

18+

Наталья Рай

ИНОВИДЦЫ

Наталия Рай

Иновидцы

«Издательские решения»

Рай Н.

Иновидцы / Н. Рай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989871-5

Люди могут обладать уникальными способностями, но или не осознавать этого факта, или бояться собственного дара, или не уметь эти способности применять во благо. Есть такое правило: если готов ученик — готов и учитель. И они непременно встретятся. А потом придётся работать. Там, где не могут обычные люди. Делать то, чего не могут люди без данной способности. Те, кому эта возможность дана — должны применять её на пользу ближнему.

ISBN 978-5-44-989871-5

© Рай Н.

© Издательские решения

Содержание

Иновидцы	6
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Иновидцы

Наталья Рай

© Наталья Рай, 2020

ISBN 978-5-4498-9871-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иновидцы

*Другу моему
Александре Четвертковой*

Глава 1 Объединение

...Вечеринка по случаю празднования дня рождения была на удивление тихой. Наверное, музыка, вдохновенная и нежная, была тому причиной. Первые тосты за именинницу были давно произнесены, все немножко поели, потанцевали, а потом Инна, именинница, поставила подаренную Сергеем мелодию. Именно эта музыка и создала такое настроение, когда одновременно и радостно, и грустно, и возвышенно, и любишь весь мир...

– А не кажется ли вам, дамы и господа, – первым встрепенулся Валентин, – что мы почти печалимся, вместо бурно веселиться?

– А и то правда, – поддержал его Виктор. – И потом, – в голосе его зазвучала обычная усмешка, – не грешно ли забывать об именинниках?

Этот упрёк мог относиться к кому угодно, но только не к самому Виктору. Но он тут же захлопотал, разливая вино и передавая наполненные бокалы, начав, конечно, с Инны и, проследив, чтобы бокалы были у всех, потянулся со своим к имениннице. Инна ему улыбнулась. «Господи, Боже мой, ну кто ещё умеет так чудесно улыбаться!» – эта мысль была у Виктора просто на лице написана. «Кажется, что внутри лица вспыхивает фонарик или свеча и такая она становится – не то что прикоснуться, смотреть страшно – а вдруг и взгляд разрушит это чудо...»

– О, княгиня, – возопил Сергей, – вы чудо нашего века! За вас! – И, выпив, продолжил:

– Люди, покажите-ка мне хоть ещё одну такую женщину!..

– Молчи, олух нашего века! Молчи и смотри на эту! И запомни, у чудес двойников не бывает! – Валентин насупился, чуть ли не как Иван Грозный, и все засмеялись.

– А теперь – танцевать! – это Катя.

– Я, с моими скудными познаниями в арифметике, нас сосчитал и оказалось: пятеро. Кому-то явно придётся обнимать веник.

«Чур, не мне!» – Виктор тут же оказался возле Инны.

– Граждане, позвольте напомнить, что на дворе двадцать первый век. Вальс поэтому необязателен, ибо есть много прочих танцев, где можно танцевать так, что никому не будет обидно.

– Но всё-таки, – отказалась Инна, – кому-то придётся искать веник: дамы просят именно вальс.

Валентин тоже не дремал и уже стоял возле Кати.

– И всегда-то я крайний, – комично вздохнул Сергей и с видом вечного смиренного страдальца включил музыку.

Виктор смотрел на Инну, не отрываясь. Ей стало даже чуть не по себе. Она чуть покачала головой: не надо!

Познакомились они не так, чтобы обычно. Инна, проходя мимо продуктового магазинчика, в двух шагах от дома, чуть не была сбита выскочившим парнем. Обе его руки были заняты: в одной пакет, явно с продуктами, в другой – три стеклянные бутылки, которые неизвестно каким образом удерживал в одной руке. Но – руки были заняты, а потому он не смог

схватиться за те же перила, хотя бы. Закон инерции, конечно же, сработал, парень грохнулся во весь свой немаленький рост и въехал обеими руками в стеклянное крошево.

Он бы, вполне возможно, и вовсе не упал, если бы между ними не просверкнуло нечто вроде молнии: они оба поняли, что принадлежат к одному и тому же сословию, способному «видеть» – как младенцы, не потерявшие ещё остроту восприятия.

Слава богу, Инна жила в соседнем доме. Она, даже не спросив имени пострадавшего, потащила его к себе и, хотя ей временами становилось плохо от вида его ран, сумела кое-как забинтовать ему руки. Они молчали всё время, пока Инна, наложив повязку, не спросила:

– Больно?

Парень, все ещё пребывая в растерянности не столько от потери минералки, сколько от ослепившей его молнии, до этих её слов, очевидно, на Инну внимания особого внимания не обращал. Но, подняв глаза, чтоб ответить, так уже их и не отвёл. И не ответил. Какая разница, больно или нет? Куда важнее – что эта молния была, что означала и видела ли её и девушка! Так и не сумев себе на эти три вопроса ответить, он резко встал и уже на пороге сказал:

– Меня зовут Виктор. Спасибо. – И ушёл.

«Странный тип. И удивительно неаккуратный».

Конечно, он был странный. Странными становятся от странных условий, в которых живут. И от особенных способностей, которые невесть откуда возникают. И никто человеку не объясняет, откуда это в тебе взялось и что с этим делать.

Виктор жил только с мамой. С отцом она развелась давным-давно. Виктор даже не помнил бы его совсем, потому что ни одной его фотографии не осталось, если бы раза три в год с отцом не встречался. Почему развелись родители – Виктор так и не выяснил. Но, надо полагать, по инициативе мужа, ибо на личной жизни мать Виктора поставила крест и занималась всю остальную жизнь только собачками. Она была прямо помешана на них. Настолько, что забывала о собственном сыне, пока он сам о себе не напомнит. Ни школой, ни иными делами сына она не интересовалась совершенно. Она исправно готовила обеды и покупала одежду. Если бы только не её странный воспитательный метод не давать Виктору ни копейки: школьный обед оплачен, проездной выдан...

Виктору пришлось искать заработков, чтоб иметь карманные деньги. А поскольку он, как любой мальчишка, души не чаял в автомобилях, то и бегал на ближайшую автотехстанцию, где быстро примелькался: там подержит, там подаст, там что-то подкрутит, – вот и стали ему работяги, не сговариваясь, со временем подбрасывать с полочки кое-что. Заработал, дескать. Класа с шестого Виктор, с помощью Сергеича, мастера, (который рискнул и оформил другого, совершеннолетнего, подсобником), заработал себе на велосипед и не только. И каждое лето подрабатывал уже в полный рабочий день. Тем более, что был рослым, крепким и на свои пятнадцать не выглядел абсолютно Поэтому он, конечно, без особого труда поступил в политехнический, но на заочный. А работал всё на той же станции автосервиса.

Курсу к третьему он настолько овладел профессией автомеханика, что приобрёл практически даром развалюху, которую случайно увидел в одном из соседних дворов. Владелец жалел денег на её утилизацию, так что предложение расстаться с этой ржавой коробкой на колёсах воспринял, как неслыханное везение. И не только денег с Виктора не взял, но с большим облегчением передал все документы: владей и радуйся! Возился с ней Виктор месяцев пять, а в итоге получилось нечто весьма быстроходное и даже вполне приличное с виду. Единственным недостатком первой «движимости» были её размеры: укладывать свои длинные ноги в эту коробочку каждый раз было просто цирковым трюком.

Представительниц противоположного пола он всегда обходил стороной. Ему казалось, что даже если они хорошие, так всё равно не застрахованы от того, чтобы в недалёком будущем

не повториться в поведении с материнским. А он во всех возможных и невозможных аспектах был сыт ею одной.

Сейчас ему шел двадцать четвёртый, но ни разу Виктору не встретилась девушка, которая сумела бы изменить его привычное отношение к своим соплеменницам! Все они были, по его твёрдому убеждению, абсолютно одинаковыми, с похожими привычками, жестами и интересами и очень быстро Виктору наскучивали.

Может, и мимо Инны он прошёл бы так же спокойно, не улыбнись она тогда. Но она улыбнулась и он в этот миг понял, что эта девушка не такая, как все. Очевидно, что не такая. А тут ещё и молния его ослепила так, что он увидел будущее на долгие годы вперёд. Вот только не мог уразуметь, такая же ли она иновидица, как и он. И не знал, как это выяснить.

А Инна почему-то об этом странном и даже немного смешном случае никому не рассказала. Она тоже ни с кем не делилась своей способностью – это мгновение ослепительной вспышки и словно электрического разряда, пронзающего её во всех существующих измерениях.

Но она обрадовалась, увидев Виктора назавтра напротив своего дома. Но он не только не подошёл, но даже и не кивнул. Стоял равнодушно, словно был здесь по совсем иному какому-то поводу и словно даже её не узнал. Если узнал бы, поздоровался бы. И она – почему-то тоже.

Он стал бессменным стражем её окон. Она и злилась, и смеялась, и поддерживала шутки родителей и друзей, естественно, обладающим зрением и наблюдательностью... А он, хоть и поражал регулярностью и длительностью своих караулов, даже глазом не моргнул ни разу в её сторону. То ли памятник изображал, то ли проспорил кому—то, что будет торчать на этом месте каждый вечер, невзирая на погоду и сезон года... Но однажды, в дождь, увидев, как он стоит, продрогший, в ранних сумерках, Инна не выдержала:

– Здравствуй! – и поднявшись на цыпочки, поцеловала его в щеку. Он и не шевельнулся даже, стоит по-прежнему, словно он тут и не участник событий, а нечто вроде монумента. И на приветствие не отвечает, вот только глаз не отрывает.

– Держи зонтик и пойдём отсюда. Может, в кино?

Он только плечами пожал.

Инна взяла его под руку – так удобней идти под зонтом – но он молчал, как по обету. Пришлось ей опять заговаривать первой.

– Меня зовут Инна.

– Я знаю. – Таким тоном, словно об этом знает весь город.

– Ну и хорошо. – Она не стала вникать, откуда он знает её имя и знает ли о ней что-нибудь ещё.

После фильма, которого они оба, по сути, и не видели почти, они шли к её дому. Инна попросила:

– Не надо стоять здесь каждый день. Холодно ведь, осень. Простынешь...

Молчит.

– Знаешь, лучше заходи иногда по вечерам чай пить или давай ходить куда-нибудь, а? Хочешь?

– Я каждый день хочу.

– Но я не смогу – каждый, – Инна растерянно засмеялась. – У меня лекции, мне заниматься надо. – Опять молчит.

– Давай ещё погуляем?

– Давайте.

– Не надо говорить мне вы. А?

– Хорошо.

Они гуляли, долго, в основном, молчали, Инна заговаривала несколько раз, но потом ей стало так хорошо с ним молчать! Она первой опомнилась, что город почти пуст. И оглянулась!

– Где это мы?

Дом был в приличном отдалении.

– А где ты живешь, Виктор? – Он сказал, и не просто сказал, а назвал даже дом и квартиру.

– Сосед? Итак, пошли домой, а?

Говорили они только о постороннем, на так называемые светские темы, хотя обоим очень хотелось задать тот единственно интересный каждому вопрос:

– А для тебя молния тоже была?

Но они не спросили. Каждый уверенно знал только о себе, но очень сильно чувствовал, что у другого – тоже была молния.

Тема тайная, секретная. Никогда и ни с кем они об этом не говорили – не с кем было. Потому что невинные попытки говорить на подобные темы всегда неизменно вызывали приговор: таких граждан надо в дурке лечить всю их оставшуюся жизнь.

Вот так они и стали встречаться. Но даже спустя несколько месяцев о самом важном и тайном они так и не заговорили.

Но Виктор впервые обнаружил, что эта девушка не вызывает у него отторжения. Более того, он осознал, что влюбился. Он, конечно, мог бы понять это ещё с первых дней, когда установил караул у её дома, но тогда он думал, что им надо поговорить о молнии. А поскольку она-то ведать не ведала, где его искать... А поговорить об этом было необходимо. Выяснить, что и зачем это было. И какие им обоим следовало бы сделать выводы. И какие, возможно, предпринять действия.

Но потом до него дошло: он таки влюбился! По-настоящему! А как только понял это, то в один прекрасный вечер, когда они дошли до её дома, он взял её руки, обе и зарылся в них на миг.

– Инна, я тебя люблю. – Тихо, не поднимая глаз. Ей почему-то захотелось плакать.

– Молчи. Я боюсь, что-то сломается, а я хочу, чтобы ты был. – Глаза у неё были опущены, но она знала, что он смотрит на неё. Она молчала, и странно было на душе: и радость, и страх какой-то.

– Завтра я вернусь к пяти. Запомни номер...

– Я знаю. И номер, и фамилию, и всё, что только можно было узнать.

– Тогда придётся тебе завтра рассказать мне о себе. Ладно?

– Всё?

– Именно всё.

– Тебе может не понравиться.

– Почему?

Завтра узнаешь.

...Музыка вдруг стихла.

– Я так не играю, – закричал Сергей. – Мне в самом деле, что ли, веник искать? Инна, я тоже хочу танцевать, причём с тобой! А, кстати, почему не пришла Вера, да и остальным не вредно бы появиться?

И, словно в ответ, резко зазвонили в дверь. Открывать пошли все. Вера быстро вошла, не здороваясь, и сразу – в комнату! На пороге вслед за ней возник какой-то парень. Он, конечно, удивился, увидев столько народу, но духом явно не пал.

– И к кому вы, мсье?! – Сергей был – сама любезность.

– К той девушке.

– А вы уверены, – вступила Инна, – что она жаждет вашего общества? И это, между прочим, мой дом.

– Не судите строго. Уж больно мне приглянулась ваша гостья. Решил познакомиться, а она никак.

Инна спокойно ждала. Парню ничего не оставалось, как уходить, потому что приглашения остаться так и не последовало.

Вера, проскочив напрямик на балкон, напряжённо курила, ожидая развязки. Когда вошла Инна, Вера не спросила ничего. Потом молча расстегнула карман рубашки и протянула Инне кулон: мелкие, в колечках, камешки и посередине небольшой камень.

– Поздравляю!

– Спасибо! – Кулон был красив, наверно, недёшев, но Инна, зная нрав Веры, поняла, что не откажешься.

И вечеринка потекла снова, как ей и положено. Пока народ не засобирался по домам.

– Инна, помочь?

– Право, не нужно, мы с Виктором управимся сами. Спасибо за всё!

– Кто-то спорил бы, мы – не будем. – Катя, конечно, не могла упустить случая уколоть лишний раз Виктора:

– Влюблённый, посуду не переколоти, хоть иногда гляди, куда идёшь и что несёшь.

Катя с Валентином оба также принадлежали к племени иновидцев, то так же хранили это в тайне от всех: кому же неизвестно, что стоит это о себе рассказать, немедленно получишь клеймо психа и не отмоешься от этого клейма впредь никогда. Даже за могилой будут помнить – пока вообще о тебе будут помнить – что ты из психов с большими отклонениями.

Но говорить об этом они пока не торопились. Да и никто не торопился. Первыми рискнули Инна с Виктором, когда всё уже было вымыто и расставлено.

– Я собираюсь самой себе сделать подарок, —. Сегодня, если только ты не против, мы с тобой обо всём откровенно поговорим. И, мне кажется, ты знаешь, о чём.

– О том, что...

– Вот именно это я и имею в виду. Только не говори мне, что с тобой ничего не происходит. И, тем более, что ты умеешь с этим управляться.

Виктор не двигался.

– Не хочешь?

– Хотеть-то я хочу, но я об этом никогда ни с кем не говорил.

– Я тоже. Но я точно знаю, что ты такой же, как и я. И сильно подозреваю, что и все, кто только что был здесь, такие же. И что они тоже молчат об этом, как партизаны на допросе.

– Вполне возможно.

– О них – возможно, а о нас с тобой точно. Так что давай, наконец, поговорим об этом.

– Я не знаю, с чего начинать.

– Трусишка! Думаешь, я знаю? Но мне кажется, что начинать нужно с того дня, когда ты в себе это заметил, обнаружил.

– И кому начинать? Мне?

– Не обязательно. Настояла я, так что начать могу и я.

– Я вроде бы должен начинать первый, поскольку мужчина.

– Как хочешь. Но поговорить мы должны откровенно и подробно. И я сильно рассчитываю, что вдвоём нам удастся с этими странностями своими разобраться.

– Надеяться можно. А получится то, что получится.

– Начинай.

И Виктор начал.

– Когда мне было 13 лет, умер отец. Инфаркт. Просто не проснулся. А когда его хоронили, я увидел большую, размером с ворону, бабочку – таких ведь не бывает – белую с коричневыми разводами. И больше никто этой бабочки не видел. А она вернулась со мной домой.

А потом я ещё много дней видел отца – его душу, потому что цвета она была такого же, как та бабочка.

И я мог видеть его много позже, когда сильно доставала жизнь. В лице окружающих и в виде ситуаций. Потому что мать явно... – он затруднился со словом – сильно изменилась. Ну то есть перестала заниматься домом. И мной. Еда была, всё нужное было, матери вот только не было.

А потом я стал видеть и других людей. Явно тоже умерших. Через некоторое время я научился слышать, что они мне говорят. И я, грубо говоря, превратился в спасателя. Эти люди вели меня к своим родственникам или друзьям, попавших в неприятности. И я их выручал. А когда первый раз к ним приближался, сверкала молния и указывала мне на того, кому следовало помочь.

Когда я тебя увидел, молния тоже свернула. Вот только до этого я не видел никого. В смысле – из твоих умерших родственников. И не понимал, нужно ли тебе помогать, а если да, то в чём. Я всё старался увидеть того, кто устроил нашу встречу, но так и не увидел пока. Так что сама говори, какие у тебя неприятности и в чём тебе помочь.

– У меня нет никаких неприятностей, честное слово! Если только не считать неприятностью такую же способность видеть иной мир.

– А у тебя она откуда?

– А я в детстве тонула. Я плаваю, как лягушка – в любой воде и любое время. А один раз у меня неожиданно ноги свело. Не знаю, почему – вода была, как парное молоко. Свело настолько мощно, что я стала тонуть. И словно онемела при этом – рядом со мной лодка была с родными, а я не могла звука произнести.

За мной никто не наблюдал – все же знали, что вода моя стихия. Так что, когда обнаружили моё исчезновение, я уже была у самого дна. А там метров пять глубина. Ну бросились, вытащили, но, видимо, всё-таки что-то произошло. Потому что я прямо на дне этом увидела кучу народа: не тела, нет, а души тех, кто здесь тонул. А так дно было чистое – песок, немного травы и рыбы.

Вот с тех пор и вижу. Не всегда, не постоянно. А тоже – словно разряд тока или невидимая молния: встряхивает и я вдруг вижу что-то или кого-то. И мгновенно понимаю, зачем и что делать нужно.

– И делаешь?

– Конечно.

Жара в городе стояла, как в Сахаре. Асфальт плавился прямо на глазах. На него даже наступать было страшно, того и гляди нога уйдёт до самой щебёнки. Павел, конечно, понимал, что в желании выпить холодного пива есть определённая опасность: после того, как промочишь горло приятной прохладой, стоит снова выйти в этот ад, может развезти хуже, чем после литра водки. Но соблазн прополоскать холодным глотку был чересчур велик. И он не устоял, плюнул на подходящий троллейбус и понёсся через улицу в ярко раскрашенный павильон. Пить хотелось не только ему, конечно: народу было, как в транспорте в час пик. Конечно, все бокалы были на руках, ждать пустого было нестерпимо долго и он сбегал в продуктовый напротив, купил литровую банку сока, попросил её тут же открыть, немного выпил, остальное вылил – не сок, а только что вскипевший компот! – и вернулся в кафе-автомат. Своя посуда давала право торчать в кафе хоть до закрытия.

С полной пива банкой Павел прижался к подоконнику, попросив подвинуться долговязого мужика. У того тара тоже была оригинальная – молочный пакет, но зато была таранка и Павел уже собирался попросить хоть хвостик. Парень понял сам и сунул одну.

- На, не страдай.
- Надо было хоть познакомиться.
- Павел.
- Славик.
- Где взял такую рыбку?
- Места надо знать.
- А всё-таки?

Разговор, начатый с такой интересной темы, да под такое сопровождение, скоро заглохнуть не может. Они делали уже по третьему заходу, когда в кафе вошла женщина и стала искать кого-то глазами. И нашла этого кого-то прямо у Павла за спиной.

- Юра, Юра, пойдём, а?
- Сейчас, Галочка, сейчас.

Славик, заинтересовавшись, кто это там такой покорный, заглянув Павлу за спину. Мужик был явно алкоголиком с большим стажем. И вряд ли он мог уйти именно сейчас: его бокал был почти полон. Но не столько это было важным: мужик накачался уже под самый кадык и вряд ли способен был пройти хотя бы сто метров. Ляжет ведь у первой же стены.

Павел и Славик переглянулись, кивнули друг другу. Пододвинулись к покорному:

- Тебя как зовут, а?
- Юра. Юрий Петрович.
- Я – Павел. Это – Славик. Давай-ка, Юра, потихоньку домой потопаем. Видишь, жена волнуется.

Юра преспокойно оставил почти полную кружку и безропотно дал себя увести. Женщина шла, вернее, постоянно забегала чуть вперёд, со стороны Славика, постоянно благодарила, выискивая всё новые речевые обороты и между благодарностями уверяла:

- Нам недалеко, медленным шагом всего минут пять. Спасибо вам, ребята.
- Да не стоит, пустяки, с кем не бывает.
- Меня зовут Галя.

– Каждый может слегка перебрать. Ты, Галя, главное, не считай нас героями, – это вступил Павел, не назвавший, как и Славик своего имени: знакомиться они нужным не посчитали – простая мужская солидарность. – С нами это бывает, что перехватишь малость. Ерунда.

Юра увядал на глазах, примерно на тридцатом метре ноги его прекратили движение и ребята сдвинулись теснее, перехватили руки Юры себе на плечи и накрест ухватились за Юрин ремень: ногами перебирать он был уже не в состоянии. Но со стороны всё выглядело почти прилично: трое великих друзей идут себе в обнимку. Кто там станет обращать внимание, все ли трое переступают ногами, до чужих ли тут ног, когда свои то заплетаются, то тонут в вязком расплавившемся асфальте.

В лифт они впихнулись с великим трудом: Юра полностью отдался на волю Божью, в лице неожиданных знакомцев, и перестал реагировать на реальность совершенно. Посему боком вошедший в лифт Славка потащил Юру на себя, а сзади его подталкивал Павел. И уже почти в дверях стояла Галя. Она нажала кнопку своего этажа и – поехали. Квартиру Галя открыла быстро, торопливо, показала, куда положить Юру.

– Ребята, холодного квасу, а? – ей словно неудобно было отпустить их без какого-то материального выражения благодарности.

- А есть? – Павел застенчивостью никогда не страдал.

Трёхлитровый бидончик, вынутый из холодильника и мгновенно запотевший, опустел за пять минут. Квас был великолепный: и непостижимо вкусный, и холодный настолько – зубы заломило.

– Теперь и перекусить не грех! – Павел вёл себя почти неприлично, ибо знал, что чужую неловкость можно совершенно погасить только своей развязностью.

– Воистину: понимаешь цену чему-нибудь, только заслуженно это что-то получив. – Славик решил Павла поддержать, хотя и был гораздо менее напорист. – Ну представьте, погода не сегодняшняя, палатка по дороге, очереди нет, тот же квас далеко не такой вкусный. А тут немножко попотели и квас – как амброзия. Или нектар.

– Слав, а амброзия – это напиток или еда?

– Спроси чего полегче.

– Ради Бога: для тебя и вопроса полегче не жаль. Когда в наших краях кончится эта дикая жара?

– Ну, истинный друг. Век не забуду твоей доброты. Только почему ты решил, что это легче?

– Соображай, ведь ответ из простейших: как только лето закончится, так сразу и жара пройдёт.

Галя не знала, как ей хоть слово вставить, чтобы спросить, будут ли ребята есть, благо полный обед давно приготовлен, или это только зубоскальство одно.

– Галя, – Павел прижал руку к сердцу, – не гони так сразу. Мы отдышимся малость: все жировые запасы топятся.

– Ребята, да вы что! – Галя покраснела.

– Ты только не считай, что чего-то нам должна. Тут ещё неизвестно, кто – кому: если бы не вы с Юрой, мы бы так и не решились до самого вечера выйти. Прямо филиал ада, а не город. А вчера ещё был дом родной. И тут такой удобный повод. И оказались мы в итоге герои, а не труссы. Пустяк, а всё же приятно.

– Вот именно, – поддержал Славик. – Кафе до восьми ведь открыто, а сейчас пять. Я в нём сидел с двух часов, именно потому, что просто боялся выйти в это пекло. Прикидываешь, сколько я бы высосал ещё? А мне завтра на работу, причём – за руль. Хорош бы я был завтра.

– А мне, между прочим, – Павел любил, чтобы последнее слово оставалось за ним, – скоро на свидание. Вот представь, Галя, что скажет моя девушка, когда я её поцелую. Это с таким-то перегаром? От пива ведь амбре ещё то! А она этого терпеть не может. А так есть шанс, что выдохнется. Ещё леденец мятный пососать бы.

– А у меня есть, – Галя встала, открыла навесной шкафчик, – достала конфетницу. – А может, ещё квасу? А ещё лучше – кофе? Кофе, между прочим, любой запах отшибает надолго. Хотите, сварю? А то, действительно, поели бы, а?

– А у тебя квас ещё есть? Высоцкий пел, что где-то откопали две коньячные струи, а ты значит – квасную?

Галя невольно засмеялась.

– Нет, просто сама делаю. Это же так просто.

– И, главное, молчит. А я-то всё поражаюсь: ну до чего же отлично стали наши заводы работать! Поторопился, значит...

– А: кто поспешит, тот людей насмешит, – Славик смотрел с хитрой подначкой, но не опоздал припасть к полной кружке. Удовольствие было полным.

– Ты, Галя, возражать даже не пытайся, мы народ нахальный. Раз не сохранила секрета фирмы, жди нас теперь в гости. Да квасу заготовь побольше: нас будет много.

– А именно?

– Ты, во-первых, сначала скажи, что согласна.

– Согласна.

– А, во-вторых, не пугайся уж так всерьёз, нас мало, на пальцах можно сосчитать, честное слово. Давай-ка послезавтра – Бог воскресенье посылает, мы и нагреем, а? Только, ради всего пресвятого, не вздумай ничего готовить: нам, кроме квасу, ничего не надо. Договорились? – За согласие, казалось, Паша отдаст все клады, зарытые на территории Российской империи.

– Ну, конечно, ребята. Приходите, хоть сколько вас ни есть.

– Телефонный номерочек пожалуйста, – Славик изображал записного дипломата.

Галя, сильно подозревая, что всё это не более чем трепотня, сказала. Хотя больше походило на то, что ребята изыскали столь вежливый способ убраться восвояси.

– Ну, пора и прощаться. Время не ждёт. – Паша опять прижал руку к сердцу, весь – сама благодарность. И они ушли, оставив Галю в лёгкой растерянности, ибо она и вправду начала сомневаться, кто у кого больше в долгу.

А ребята торопливо дошли до ближайшего скверика и встали в хлипкой тени дерева возле скамейки. Сесть на эту самую скамейку было нереально: мест нет. Ещё бы, под ветвями громадного клёна было тенисто, прохладно, свежо. И те, которые на скамейке примостились, вставать с неё явно не спешили.

– Слушай, Славка, – Паша оценивающе смотрел на нового приятеля, – ты как думаешь: помощь этой паре не требуется? А?

– Думаю, требуется. Процентом сто гарантии.

– Давай-ка без лишних слов поможем им. Например, организуем бросок на природу. У меня присмотрено отличное местечко. В нашей компании есть колёса, в два рейса всех туда и закинем.

– Почему именно в два?

– А нас много – шестеро. Да ты, да их двое.

– А я тебе зачем?

– Витька в этом мире замечает только свою машину и свою Инну. Причём, неизвестно, кто его больше занимает. На остальных обитателей Вселенной ему постоянно нужно не просто тыкать пальцем, но и голову его в конкретном направлении поворачивать. И добавлять: посмотри сюда! А мне одному Юру не взять.

– Годится.

– Решили. – Славик, стараясь отвернуться от прорвавшегося сквозь листву луча, чуть повернул голову и за что-то зацепился взглядом. Даже и не осознал сначала, за что именно зацепился и довернул голову. Детская коляска. А возле – женщина. Без коляски и ребёнка ей, возможно, была бы грош цена в глазах Славика, но... Он глянул на правую руку молодой мамыши – кольца нет. Или ребенок не её (может, в няньках тут подвизается?), или не надела кольцо после, допустим, стирки.

– Паш, а Паш? – Славке вроде бы и неудобно было с такой просьбой обращаться, но самому это было не по силам. – У тебя язык хорошо подвешен, познакомься вон с той молодой мамой.

– Зачем? Спятил?

– Я тебе когда-нибудь всё объясню, ладно? Раз прошу – надо, значит. Давай, а?

Паша заинтересованно на него посмотрел, но перечить не стал. Он спокойно подошёл и без обиняков сказал:

– Девушка, вы извините меня, но не торопитесь меня гнать, хорошо?

Женщина удивлённо на него посмотрела.

– Послушайте, я надеюсь, в этом транспорте ребёнок – ваш?

– Мой, а что? – Маша покраснела, разозлилась.

– Ну вот, я так и знал, что надо было с другой стороны начинать. Но вы погодите обижаться. Кстати, как вас зовут?

– Маша, – она просто растерялась под таким напором.

– Отлично, меня – Павел. Маша, посмотрите внимательно. Вот там, у скамейки, стоит парень, тот, в голубой водолажке. Мой лучший друг. Имя Вячеслав. Поверьте, я не вру: у него на повестке дня проблема: найти жену. Вы, я надеюсь, не замужем?

– Нет, – Маша залилась краской по самые брови.

– Ну что вы смущаетесь, обычное дело. Больше того – отличный расклад. Так вот, мой друг, как я уже говорил, его зовут Славик, сирота, вырос в детском доме, женился неудачно. Ему, понимаете, надоело: быть одному. Он привык к коллективу, который был для него большой семьёй. Он хотел нарожать целую кучу детишек, а жена и первого... того. Развёлся, пропадает. А гляньте, какой красавец! Видите, я мог бы вам наговорить чего угодно, голову заморочить как угодно – но говорю чистую правду, как батюшке на исповеди. Чтоб не усложнять жизни ни ему, ни вам, ни себе. А вдруг он вам подойдет, а? Попытка не пытка.

Маша молчала в полной растерянности. Да, с такими предложениями граждане не каждый день подходят! Павел же зря времени не терял.

– Славик, иди сюда! – Славик подошёл.

– Знакомься, это Маша.

Они, оба донельзя растерянные, пожали друг другу руки. Паша тут же ухватил коляску и покатил её вперёд, предоставив дружку самому дальше развивать отношения. Славик тихо спросил:

– У вас мальчик или девочка?

– Мальчик.

– А как зовут?

– Денис.

И они оба невольно посмотрели на коляску с ребёнком. Паша шёл на пару шагов впереди, но и только, а то Маша ещё заподозрит его, чего доброго, в попытке угнать «транспорт» вместе с пассажиром...

– Ребятки, я слетаю позвоню, пять минут. – И Павел, у которого то ли планы на ближайшее будущее переменились, то ли время для чего—то настало, убежал. Эти же двое так и промолчали всё время, пока он не вернулся.

– Порядок, Вера простит, что опаздываю, ведь я такой умный и предусмотрительный, что назначаю свидание в доме любимой, ей не так обидно ждать. – Павел тараторил, как заводной, мгновенно придя к выводу, что эти двое друг друга стоили в плане стеснительности. Посему немедленно надо было подтолкнуть события в развитии.

– А что, ребятки, не хотите ли к моей девушке в гости? Славик, давайте, а? Мы ещё не договорились окончательно, тем более, насчёт завтрашнего дня. А деталей ведь немало! Маша, коляска складная?

– Да.

– Отлично. – Паша излучал энергию за троих: в армии, он похоже, непременно был бы старшиной у новобранцев.

– Маша, поддержи ребёнка, мы со Славиком сей момент сложим.

Маша почти потеряла дар речи от Пашиной стремительности и безропотно стояла: ребята же, как фокусники, в момент сложили коляску в удобный для транспортировки пакет.

– Пошли машину ловить, – Паша ничего необычного в происходящем не видел, стремительность в решениях и делах была его стихией. А Славик с Машей вполне успеют опомниться потом: они с Верой дадут им полную для этого возможность.

Вера подняла бровь, узрев неожиданное сопровождение, однако, тут же пошире распахнула дверь. Ребята вошли. Вера провела Машу в свою комнату:

– На диване ему будет неплохо.

– А клеёночки нет? А вдруг он...

– Найдём, Славик, идём, я дам клеёнку.

Славик вскоре вернулся, причём не только с клеёнкой, но и с какими-то от Веры подробными напутствиями, а Паша с Верой исчезли минут на десять. А что такое десять всего минут для людей, не видевшихся целые сутки?

Хотя парни познакомились недавно, но судьбы были схожи: оба побывали в «горячих», хотя и разных точках. Оба были ранены и побывали в состоянии клинической смерти, а после неё обрели способности видеть судьбы и помогали, в меру сил, людям, к которым их прибывало, как волны к берегу. Оба понимали, что случайностей не существует.

Видимо, сходство судеб и сблизило их в том пивном ларьке и именно оно подвигло обоих ринуться на помощь Юре. Который «сломался», пережив тяжелейший духовный кризис, застав в собственной постели лучшего друга и самую любимую в мире женщину – жену. Двойной удар в неподготовленное сердце перенести не удалось. Правда, приобрёл такую же способность, как у ребят, но не воспользовался ею ни разу по назначению. А только воспринимал как дополнительное мучение, от которого невозможно избавиться. Правда, это каким-то непонятным Юре образом соединило его с Галей, но он плохо отличал её от других людей. Эта ли, та ли – какая разница, все они одинаковы!

Иновидцы, как правило, все молчали о своей способности. А кому расскажешь? Кто поверит, что ты, имея такое отличие, остаёшься психически здоровым человеком? Хотя – кто в нынешнее время может считаться полностью здоровым психически? Но если уж и быть больным, то лучше вот так, со способностью помогать.

Почему их «бросило» к Маше? Она явно нуждалась в помощи, причём не моментной, а длительной. Это было просто аршинными буквами на ней написано и даже не нужно было быть иновидцем, чтобы эти слова прочесть. Однако, по всей видимости, на помощь ей особо не спешили. Просто странно, что эта девчушка до сих пор продержалась.

– Паш, отпусти немедленно, а то кто гостям чай приготовит?

– Ты уверена, что он им нужен так уж срочно?

Гостям, честно говоря, был не чай сам по себе нужен, а, как выразились бы политологи, разрядка напряжённости.

– Паш, а знаешь: я тебя чуть не возненавидела сначала. Думала, что ненавижу. А это я, наверно, влюбилась с первого взгляда. И не понимала просто...

– Мы оба влюбились. А ещё – почували друг друга.

Она только кивнула, соглашаясь. У Веры дар появился словно безо всякого повода, зато прямо с детства. Года в три, с которых она себя помнила, она вдруг увидела какую-то женщину в очень старинной одежде. Даже тогда Вера поняла, что одежда – старинная: все, кого она знала, одевались иначе. Потом эту женщину и в такой именно одежде она увидела на одном календаре. И подпись под этой картинкой её так поразила, что она постаралась всё об этой Женщине узнать. И получалось, что ничего случайного в жизни не существует. Ещё понять бы, зачем была та встреча и для чего Вере вручили эту способность...

Они ещё постояли немного, обнявшись. И вдруг Паша вспомнил о гостях.

– Матушки, бить меня некому. Более неприличного поведения хозяев просто свет не видел! Вер, быстро чаю. И чего-нибудь к чаю. Я потом всё объясню.

– Ладно, потом объяснишь! – она засмеялась. Любому, включая марсианина и гиену, если они приведены Пашей, был гарантирован королевский приём.

– Ребятки, вы нас простите, а? – Паша мимикой усиленно изображал виноватость и раскаяние. – Так что бейте, грешен.

– Насчет бить, я подумаю, – Славик улыбнулся, – но пока отложу. Вдруг отмолишь?

– Делаю первую попытку. Пожалуйста пить чай. – У грамотных хозяев это только называется чаем. Вера ведь знала, что Павел голоден, после работы ведь, а поэтому подала полноценный ужин. Но и чай, как таковой, тоже был наготове.

– Паш, у меня есть хорошее вино. Дать?

Славик:

– Вряд ли. Маш, ты как?

– Мне нельзя.

– Однозначно – против.

– Вер, если тебе хочется, я с тобой выпью, – Паша готов был пить не только вино, но и что угодно, если того же хочется и Вере.

– Ты же знаешь, что я могу копать, могу не копать. Мне – всё равно. Не та погода, чтоб пить.

– Тогда навались.

Ели, несмотря на жару, так, что за ушами трещало. Вера готовила прилично. Даже Маша как-то призабыла, что она всех этих людей видит впервые в жизни. Давно ей не было так спокойно на душе. Славик уже сумел найти дорогу к сердцу женщины, то есть – матери. А это – главное. Ей он понравился тоже: свой брат, из битых. Битых так же, за то же. Она украдкой поглядывала, как он ест. Умной женщине достаточно один взгляд на это бросить, чтобы узнать о мужчине как минимум половину биографии. А вторую рассказывает смех: послушайте и посмотрите, как человек смеётся и можете смело выбрасывать тщательно заполненную анкету: там всё равно всей правды нет. Славик был не из благоустроенных. А если точнее – из полностью одиноких.

Получалось, что Паша действительно сказал Маше правду. Пропадать Славик, конечно, не пропадал, но жизнь к нему обернулась явно не самой приветливой стороной. Удача его, похоже, не баловала. Да и вряд ли кто-нибудь вообще его баловал, судя даже по короткому представлению Паши. Да и, стараясь делать это незаметно, Маша разглядывала нечаянно обрётённого кандидата в мужья. И многое в нём ей нравилось. Особенно хороши у Славика были руки: таким рукам женщина доверяется без сомнений.

Заплакал в соседней комнате ребёнок. Вскочили и Маша, и Славик. И оба побежали. Словно оба были родителями. Или, по крайней мере, супругами.

Паша счёл, что сейчас самое время поговорить с Верой.

– Вер, я сам познакомился с ними обоими только сегодня, – он снизил голос, хотя ничего секретного сказать не мог. – Со Славой мы попили вместе пива, а после провернули одно хорошее дело. А потом оба познакомились с Машей. Слава попросил. Хотя видел её, как и я, первый раз в своей жизни. Но!.. Считай, что они знакомы друг с другом сто лет и оба вместе с нами – столько же. Они, похоже, нормальные ребята, наши.

– Ладно.

– Значит, вот какое дело мы со Славой нынче совершили. – Он быстро описал эпизод с Юрой. – Этим людям надо помочь. Просто поддержать, люди они явно хорошие, но очень уж уставшие. Завтра мы едем, все, к озеру, на наше место. Сейчас нужно позвонить Витьке, и позвать его сюда. Обсудим вместе предстоящие наши действия по спасению утопающих в водах жизни.

– Лучше – Инне. – Вера была права, конечно.

– А и правда – лучше. Инна за ним может не пойти, он же за ней пойдёт. Давай звони. – Вера набрала номер.

– Инна, вы с Витей нам срочно нужны. Вы не можете приехать сейчас ко мне домой? Посоветоваться нужно.

– Да.

– Ждём.

Славик с Машей только что подошли: у малыша выпала пустышка. Маша его успокоила и он снова уснул.

– Ребятки, – сказал Павел, – сейчас подъедут двое, хорошие люди, наши друзья. Но в обращении с ними требуется сугубая деликатность! Они год уже женаты, но отношения у них – как в первый день. Посему попрошу не смущаться самим и не смущать их, ладно? Мы-то уже присмотрелись, пообвыкли, а вам может быть внове: таких сумасшедших немного. Скоро будут, им недалеко.

И правда, им понадобилось всего двадцать минут. Машина у Виктора работала так, что сама могла служить образцом для швейцарских часов. Ещё ни разу не сломалась. Виктор вообще считал, что никаких неожиданных поломок быть не может. Машина всегда заранее говорит хозяину о своём состоянии. Только слышать нужно уметь, понимать. Машина, конечно, из железа, но и в ней есть какой-то дух. И она платит добром за добро, злом – за зло. У Виктора машина иногда делала работу, которая, в общем-то, была монополией бульдозера или тягача. И справлялась. Виктор ей тут же устраивал тёплую баню и она знала, что он ни при каких условиях не бросит её загнанной и грязной, как плохой наездник – чужую лошадь. Впрочем, плохие и своих бросают сразу же, как только надобность отпала.

Как и положено, Виктор пропустил вперёд Инну. Все перездоровались, перезнакомились. И ни Инна, ни Виктор не выказали ни малейшего удивления, что их срочно понадобилось вызвать именно с целью кому-то представить. Раз вызвали, значит, нужно, Паше с Верой нужно. А после всё разъяснится.

– Ребятки, завтра едем на лоно природы. Вить, твоей машине достанется: придётся сделать два рейса, прихватим ещё двух людей. Нас вот шестеро, итого восемь.

– Паш, два рейса делать не придётся, – неожиданно подключился Славик, – я просто не успел сказать: можно у моего шефа попросить. У него и своя есть, а то и служебную может дать. А я водитель со стажем.

– А как, интересно, он даст тебе служебную? А путёвка?

– Позвоню, попрошу, он сделает. А вечером подъеду, заберу.

– Путёвку или машину?

– То и другое. У дома ночь постоит, не заржавеет.

– Хорошо. Значит, ты заезжаешь за Машей и сразу к Гале. Часам, скажем, к девяти.

– Ладно.

– Но, ребята, – вмешалась Маша, – у меня же мальчик.

– А ты – с мальчиком. Вряд ли он будет возражать. Нешто ему в городе лучше? Мы, кстати, без мальчика и не согласны.

– А на мальчика глянуть можно? – встрепенулась Инна.

– Можно.

– Нет, Витя, ты останься. Мы скоро.

Инна очень жалела, что остаётся еще два курса университета. Не хотелось разрываться между учёбой и ребёнком. А ребёнка хотелось страшно. Как можно не хотеть ребёнка от любимого?! Но приходилось терпеть: мать Виктора помочь не могла ничем, если бы и захотела, мама Инны была далека от пенсионного возраста. Да Инне и не хотелось передоверить ребёнка бабушке. Ей самой хотелось его нянчить. Виктора она любила так, что эта любовь её затапливала, как половодье, выплескивалась, не вмещалась в душе и только дети могли дать ей выход. Но и Виктору детей хотелось не меньше. Инна боялась, что не сдержит слова, данного себе самой: ждать ещё целый год было невыносимо.

А теперь, когда Маша вошла в их круг, видеть у кого-то ребёнка и стерпеть ожидание вряд ли получится. Когда женщины вернулись, глаза Инны, и так темно-карие, почти чёрные, стали вообще бездонными и вся она как-то сияла. Инна присела возле Виктора, прислонилась к его плечу. Смотреть на них было даже страшно: не приведи Господь, сделаешь что-то не то... Вне всякого сомнения, даже всё прощающий Бог тут мог бы не простить. Не смог бы простить.

Все как-то притихли.

– Ребятки, – сказал – а ведь надо Гале позвонить, предупредить, что мы будем в девять.

– Давайте, может, сначала я сговорюсь с шефом?

Славик договорился.

– Звони, Паш, Гале.

Галя если и удивилась, то ничем этого не высказала. И на поездку согласилась, обрадовалась – сразу за двоих. Но предложила сообразить, какую еду брать.

– Галь, ты не волнуйся, возьмём, что у кого есть. За тобой, главное, квас, да побольше. На шесть человек на весь день. Пекло пока никто не отменял. А всё остальное обеспечим сами. Завтра жди.

Добрались они на место отдыха как нельзя лучше. А на их месте уже расположились двое. Славик и Паша переглянулись, молча решая, что делать и как быть. Присоединить их к компании или вежливо попросить с насиженного друзьями места? Но, с другой стороны, случайностей ведь не существует. Значит, поговорим.

– Ребятки, – без Павла и вода не освятится: он уже успел вступить в контакт с неожиданными «захватчиками»! – это завсегда было наше место, так что нам хотелось бы, чтобы вы нас приняли к костру. Вместе нам будет веселее.

– Мы не против. – Двое просто растерялись от неожиданного поворота, потому что в подобном случае их было положено изгнать. И вновь прибывшие сделали бы это без труда, если принять во внимание резкое неравенство сил.

– Поехали знакомиться.

– Я – Саша, это – Лена. – Парень потихоньку переводил дух, потому что приехавшие оказались на удивление миролюбивы. Паша представил своих попутчиков, пока не дошёл до себя.

– А я – тёзка апостола Павел.

– Весёлые вы апостолы! – впервые заговорила Лена.

– А как же! Нос повесить может каждый, но смеяться, когда плохо, может далеко не каждый! – представить Павла в состоянии печали, повесившим нос, представить было труднее, чем летящего человека. – А мы смеёмся, даже когда плохо. Но сейчас нам хорошо, а потому смеяться будем все и дружно.

Смеялись и правда дружно. Всё делали дружно: вытаскивали припасы, опустошали сумки, разводили костёр, отыскивали брёвна, которые должны были стать скамейками, чтобы все смогли сесть в круг, готовили стол. Даже Денис радостно агукал, наблюдая весёлую суматоху, какой ему ещё ни разу, надо думать, не приходилось видеть. Маша самой себе удивлялась: никогда за собой никакого авантюризма не замечала, с людьми всегда сходилась трудно, а среди этих людей, о чьём существовании ещё вчера не подозревала, ей лучше, чем среди родных.

Впрочем, при сложившихся обстоятельствах ей ещё долго будет среди родных людей хуже, чем где бы то ни было. Она, придя к родным со своей бедой – а разве если тебя бросил любимый, это не беда? – под завязку наслушалась таких неожиданных комментариев... Скорей всего, она могла теперь считать, что родни у неё больше нет. Семья была строгих, старинных нравов, никогда, на сколько поколений род себя не помнил, такого не было, чтоб без замужества – в матери... Даже мужчины никогда не изменяли жёнам и, тем более, на стороне детей не заводили. Крепко, устойчиво, честно жили. Но Маша, она ведь даже не посоветовалась ни с кем.

И теперь, имея законную комнату в огромном родительском доме, Маша некоторое время снимала квартиру на окраине города и считала, что в отчий дом не вернётся никогда. Все связи с родными были прерваны с обеих сторон. Мать, правда, прибегала. Может, и тайком от отца, но вряд ли: представить, что мать научилась врать и ловчить, Маше было крайне трудно. Вряд ли, не спросясь у мужа, могла бы она обеспечивать Машу в таком объёме не только разнообразными продуктами, даже деликатесами для ребёнка: деньги в доме всегда были общие.

Слава Богу ещё, что Маше на работе дали, после рождения Дениса, комнату в коммуналке – большую и светлую. И с одной только соседкой, Анной Григорьевной, сразу же Машу принявшей по-доброму. Анна Григорьевна давным-давно, десятки лет назад, осталась одна и потом уже не стала заводить новую семью. Так что нянчила она Дениса с упоением, разными способами убеждая Машу, пока, впрочем, безуспешно, что всё, что ни делается – к лучшему. С таким чудесным малышом не пропадёшь! Да ведь и самой Маше двадцать с таким маленьким крючочком, что он и значения не имеет.

А теперь ещё каким-то странным вывертом судьбы в её жизни появились эти люди (а особенно – Слава) и возникла надежда, что Павел не пошутил. Машу с момента разлуки с несостоявшимся папой ужасала сама мысль о том, что через несколько лет ей придётся отвечать и ребёнку, и, многим чужим, официальным, по крайней мере, людям на вопрос, где отец Дениса. А что можно на это ответить? Но Славик столь заинтересованно проявлял свои симпатии, вполне, кажется, искренние, к Машиному сыну... Да и сама Маша ему, похоже, действительно понравилась. Во всяком случае, он держал себя о ней так, – одновременно с большой сердечной теплотой и с естественным уважением, – словно знает её не меньше ста лет. Вот и сейчас, вытянувшись во все свои сто восемьдесят семь сантиметров на траве, с закрытыми глазами, что-то нейтральное у Маши спрашивал, что-то столь же нейтральное сам рассказывал, но стоило ей отвести от него взгляд, чтобы посмотреть, кто так заливисто и заразительно хохочет у костра, как он тут жё открыл глаза.

– Денис, кажется, уснул, пойдём к ним, – попросила Маша.

– А без них, со мной только, тебе скучно? – Ответ Славу вроде бы и не очень интересовал.

– Нет, не скучно. А просто мне не верится, что у меня внезапно появилось сразу столько друзей. Так и хочется их руками потрогать – не тени ли это...

– Начинай, в таком случае, с меня... – Это, конечно, была шутка, но очень уж неудачная. Маша покраснела.

– Боишься, что я тебя не так пойму? А ты не бойся, – Славик старался шутить, но шутка потому и оказалась неудачной, что начиналась вовсе не шутливо, а абсолютно серьёзно. Но Славик тоже стеснялся и сомневался в собственной привлекательности.

– Я уже мало чего в этой жизни боюсь.

– Даже умереть – не боишься?

– По отношению к себе – нет. Сына жаль. Я уже знаю, что он никому, кроме меня, не нужен.

– Придётся тебе долго-долго, значит, жить.

– А это в руках Божьих. Можно срок своей жизни не рассчитывать. Всё равно ошибка гарантирована.

– Да, ты права. У меня, на прошлой работе, был один... долгожитель. Как подкатило ему под шестьдесят, что с ним стало: по часам себя кормит, гулять выводит, спать строго в одиннадцать вечера укладывает... До ста захотел дожить, уж коли пенсия даёт право предаться полноценному и заслуженному отдыху. А тут – раз и зима. Поскользнулся на льду, о решётку возле дерева приложился височком и привет с того света. А не лелеял бы себя так старательно, глядишь, и пожил бы.

– Ты как-то ты странно это говоришь?.. – Хотелось ей сказать «зло», но она выбрала другое слово.

– Неприятно было смотреть на это самолелеяние – вот в чём дело. Знаешь поговорку о чести смолоду? Это и к здоровью (да и к прочим показателям человеческим) можно отнести. Если кто-то так уж ценит своё здоровье, так пусть и берегутся смолоду. А ведь его, несостоявшегося долгожителя, знали многие: и в сорок, да и в пятьдесят чего творил, ни в сказке сказать... А потом трёхнулся...

– А помнишь: именно те, кто вёл себя вольнее вольного, грешнее-грешного и становятся к старости моралистами...

– Именно. Что и бесит. Как их самих, так и нас. Их потому, что сами хотели бы делать то же, что и молодёжь, да силёнки и возможности уж не те, а нас – потому что мы знаем о причине их зудения.

Оба засмеялись. Потом всё-таки поднялись и пошли к костру.

А там шёл весьма напряжённый разговор. Саша, сам не понимая, почему вдруг с этими совершенно незнакомыми людьми разговорился, с горечью говорил о своём трудовом пути. И о моральных результатах этого пути к сегодняшнему дню.

...Если бывает, что не бывает никакого настроения, то у Саши в тот очень для него чёрный день на душе была именно такая полная пустота. Совершенно машинально он открывал дверь в квартиру, переодевался, умывался, разогревал ужин. Который, однако, почему-то не шёл в горло. Устал, что ли, так? Оставив еду почти не тронутой, Саша опять зачем-то забрёл в ванную и заглянул в зеркало. И вдруг увидел, что на лице, оказывается, застыла горькая усмешка. Вот почему на него оглядывались в толпе, отодвигались на всякий случай в троллейбусе. И – такая резкая эта усмешка – даже левый угол губ опустился. Да, вид тот ещё!

А ведь ничего конкретного не случилось. Всё идёт, как заведенное. Как заведенные часы, как те, новенькие электронные, тикающие от завода до износа. Если, конечно, вовремя менять в них батарейку. Правда, в часах можно что-то сломать и они останятся. А в жизни что-нибудь менять – последствия иногда непредсказуемы. Всего не предусмотреть. Но и жить так, как живут все, не замечая (или – замечая, но сознательно игнорируя) жуткого дисбаланса между обещаниями и реальностью, он больше, кажется, не может.

Пока растёшь, тебя учат морали и красоте, но уже подростком он начинал иногда видеть резкие несоответствия между словами и делами, между призывами к высшим ценностям и настоящим. Радоваться бы аналитичности собственного ума, а приходится едва ли не плакать. Потому что если тебе объясняют, что верность – это прекрасно и морально, то куда отности постулат, что цель оправдывает средства (любые?!) и что ради идеи и предательство приемлемо? И так далее и тому подобное.

Что можно делать – сегодня, чтобы этот, мертвящий душу, порядок жизни изменить? Дело не в юношеском максимализме, когда чёрное должно быть названо чёрным, а не, из идеологических соображений, белым. Дело в том, что при такой двойственности, недолго или раскусод потерять, или необратимо перейти в разряд негодяев и предателей. И если не устраивать новой революции (а это самый губительный из всех способов!), чтобы изменить уклад жизни вообще, то приходится найти менее кардинальный, но приемлемый выход из подобных условий.

Первое: выбрать, в полном соответствии со своими способностями и талантами, с в о ё дело и делать его отлично. Если – дадут, конечно, но ведь в том и беда – не дают. Впрочем, это настолько, до лютой оскомины, знакомо, что и вспоминать не стоит. Сил нет вспоминать. Даже молча работать, просто работать – не выходит. Выглядишь не то, что белой – оранжевой вороной среди тех, кто устроился на непьюльной работе с неплохими зарплатами и за годы просиживания штанов великолепно овладел искусством бурного ничегонеделания. Так и тянет составить наградной лист, глядя на эти потные лбы.

А попробуй хоть кого-то хоть в чём-то – если, конечно, это не свой брат-рабочий, уличить. Мигом окажешься в морально неустойчивых, эмоционально не сдержанных, с дурным характером и не пользующихся авторитетом у родного коллектива. Который, в случае чего, спокойно промолчит. Хотя каждый из этого коллектива тоже отлично понимает, что нужно

менять что-нибудь. Или терпеть наглые и подлые плевки в лицо только потому, что ткань твоих штанов – не люксовая.

Один в поле – не воин. Значит, нужна – рать. О, с каким бы наслаждением Саша в неё, в такую рать – записался бы. Если бы она – была. То, что – есть: так называемые общественные активисты, записные патриоты и прочие буйные желатели добра Отечеству и согражданам – вовсе не рать. У этих, что бы, прямо сейчас, у них на глазах не происходило, включая генеральный прогон апокалипсиса, основной принцип: всюду – тишь да гладь, да божья благодать, да чтобы и овцы целы, и волки сыты. Главное, чтобы этот апокалипсис их самих в стороне оставил. Или чтобы все хотя бы старательно делали вид – особенно овцы, что целы, что всё везде в полном ажуре.

А попробуешь открыть рот – сразу чуть ли не во врагах народа окажешься. Чем подобные ярлыки могут обернуться, уже тысячелетий двести, как всему миру прекрасно известно. И столь же хорошо известно, как «легко» отмываться от нанесенных дёгтем клейм и ярлыков. Тем более, что ответ на твои «крамольные» замечания в адрес власть предержащих обычно звучит в таком патриотическом тоне, что остаётся только в затылке почесать да плюнуть или же загнать семиэтажным... Что одинаково безрезультатно. Как не оказаться в чёрных пессимистах, если главная расхожая фраза, вкрапленная в речи о великих победах гласит: «При значительных достижениях, победах, прорывах, рубежах имеются отдельные недостатки...»

Успехи, правда, заключаются лишь в том, что большинство людей – из естественного стремления к нормальному качеству собственного труда – выполняет свою работу как можно лучше. Потому что делать эту работу сознательно плохо немедленно квалифицируется саботажом и наказывается тюремными сроками на приличное количество лет. Зато отдельные недостатки, похоже, сольются и непрерывную цепь и скоро из них одних будет состоять жизнь.

При словах «смежник», «партнёр», «коллега» Саша вздрагивал, как манерная девица, неожиданно увидевшая мышь. Только не визжал и не падал в обморок, как положено девице при виде мыши. Впрочем, то же чувство внутреннего содрогания он испытывал и слушая, в очередной раз, призывы «родного» начальника к трудовому энтузиазму, точно на одном энтузиазме далеко уедешь или из одного энтузиазма только, без материальных составляющих, соберешь автомобиль, сошьешь костюм, соберешь станок, употребив оный энтузиазм вместо бракованных деталей. Даже если у тебя «золотые руки», талант и опыт, при таком сырье получится у тебя готовый экспонат на свалку металлолома.

Саша вспомнил свою недавнюю поездку в упорно не желающем становиться резиновым троллейбусе. Боже, ну что за мысли лезут в голову! Телевизор, что ли, включить? Или лучше музыку? – которая, вполне недвусмысленно, называется роком, и так лупит по башке, что через час способность думать начисто гибнет. Сегодня и рок не помогал. Саша никак не мог отрешиться от своей саркастической ухмылки, которую теперь ясно ощущал на лице.

Как они счастливы были, деды. Они были искренне уверены, что за светлое и прекрасное будущее дерутся. С противниками этого будущего. Хоть ясно было, от кого можно ждать подлости. Случались, конечно, и предательства, но ведь, были уверены деды, это именно случайности. А ты можешь, самое большее, услышать в ответ на любой свой вопрос вежливое «зайдите завтра», что, как и век назад, означает «не суйся со свиным рылом в калачный ряд». Предки хоть знали, за что их казнят, когда сами попадали во враги. Ты же, обращаясь к кому-то, кого чуть ли братом по духу своим считаешь, как-то машинально ждёшь поддержки. А вместо вразумительного ответа слышишь – то, что слышишь. И чувствуешь себя полным идиотом или изгоем. Зарекаешься больше никогда в жизни ни во что не соваться, но через неделю снова не выдерживаешь и всё, естественно, заканчивается с тем же, конечно, результатом.

Стараясь отвлечься от сегодняшнего состояния, он пытался вспомнить всю свою жизнь. Может быть, он отыщет такой день, который сгубил его веру в чистоту и правду?

... Кажется, сегодня вечер «весёлых» воспоминаний. О, например, надеждах, да нет – железной уверенности, с которой он ушёл работать в издательство. Уповал, наивный романтик, что уж где-где, но там, рядом с журналистами, поборниками правды, добра и честности, невозможно ничто подобное, и что весь остальной мир, где всё всеми продаётся-покупается, остался позади.

Пиво пьют все. Водку – почти все. Именно под Сашину водочку Саша-корр объяснил тёзке многое, очень многое, поскольку водку пил довольно активно, а она, в определенный момент, очень умело развязывает языки. Корр же выпитое честно отработывал, причём с явным удовольствием от собственного всезнайства. Саша, очевидно, сидел тогда с раскрытым ртом. Для него полной неожиданностью были рассказы о том, как добывается у газетчиков право напечатать материал. Хвалебный – пожалуйста. А вот критический, бичующий, как говорится, недостатки, или обнародующий нечто тайное...

Слушая тёзку-журналиста, Саша тогда даже восхитился боями, разгорающимися на каждой так называемой летучке, то есть рабочем совещании о планах ближайших номеров. А уж на планерке, где в роли бойцов выступают зав-отделами, вырывающие друг у друга первые места по выполнению газетных норм и качеству, то есть количеству выполнения этих норм: от места и размера зависел не только размер премий, но даже и гонораров. Коррида утрётся!

Но что его тогда особенно восхитило, так это то, что должность корра, оказывается, весьма доходна. Имелась в виду вовсе не высокая зарплата опытного и способного журналиста. Воистину похвалы достойна была описанная Сашей-корром простота и виртуозность обработки будущих героев. Являешься ангелом небесным на любое предприятие и начинаешь со страдальческим видом анализировать недостатки – а у кого их нет? – всем своим скорбным поведением показывая, что не обличить подобные беспорядки – выше сил твоих. В общем, предварительно тратится час времени, чтоб выяснить детали – за бутылочкой пива с вышедшими со смены работягами, – за молчание о которых кое-кто из начальников готов душу продать и... Душа его тебе ни к чему, её на хлеб не намажешь, но на кое-что другое ты соглашаешься, да и то единственно из человеческого милосердия и всё разумеющего понимания, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. (Стоит ли добавлять, что и тот, кто владеет своим делом в совершенстве?)

Саша-корр, между прочим, почерпнул это весьма полезное и выгодное знание не у кого иного, как у звезды журналистики, чьими статьями зачитывалась вся страна. Причём на попытки Саши возразить, на яростные вопли, что это просто клевета, корр легко и с ярчайшими фактами в руках в один миг доказал, что говорит чистейшую правду. Теперь Саша ещё шире ухмыльнулся, вспомнив, с каким почтением и сам прежде склонял при встречах с журналистами голову: прямо как подданный при виде короля. А мог бы собственную шею и не утруждать...

Боже, всё просто, как лом! Саше-корру ужасно нравилось то внимание, с каким его слушали, и, вознаграждая за него своего неповторимого и очень внимательного, прямо глаз с корра не сводившего, слушателя, он вдавался в такие подробности, что у бедного тёзки сердце похолодело.

Потому, собственно, последней каплей стал рассказ, которым Саша-корр, вне сомнения, искренне хотел развеселить, насмешить – описаниями лютой драки, неизменно разгоравшейся возле распределения разных дефицитов, которые, по действительно смешным ценам, привозили прямо в редакцию все те, кого похвалили или кого не отругали перед всем честным миром. И как каждый раз после этого все сотрудники разлетались в максимально дальние командировки, укрепляя связь с действительностью. А вернувшись, отгуляв праздники и отболев после этого широчайшего гуляния, писали очень моральные материалы, так и звавшиеся к чистоте, благородству и порядочности всех, кто не имеет к СМИ совершенно никакого

отношения. Что вовсе не мешало этим моралистам превращать очередную летучку в очередное варфоломеевское утро.

Выхода не было. Или он его не видел. Да и искать больше не хотел. Не верил он больше ни в какие выходы.

Похоже было, что и на том свете, если только он вообще есть, все продаётся и покупается, так зачем менять шило на мыло? И то, и это одинаково несъедобно.

Вот только что делать ему со своими способностями, которые он поначалу трактовал, как очень сильную интуицию, которая, как известно, базируется на интеллекте, склонном к аналитике.

Да и у Славика было что добавить существенного к этому печальному монологу.

...Этот мир так основательно стар, что каждому только кажется: вот моя история – первая такая! Впрочем, Славик был ещё слишком мал, чтоб думать так сложно. Славiku было от роду пять лет, но случилась авария и остались двое детей сиротами. Брату тогда было всего семнадцать и одна Вячеславу осталась дорога: детдом. А потом – интернат.

Как все детдомовцы, Славик «домашняков» ненавидел: завидовал им люто. У них хоть кто-то был. Потому что своего брата он потерял (или его потерял брат) и Славик остался в этом мире в полном одиночестве.

Он решил твёрдо: вырастет и сразу женится. И только на «домашнячке», чтобы родни было много и всякой, и детей у них будет куча большая-пребольшая. Во-первых, у каждого непременно должны быть братья и сёстры, а во-вторых, тогда жена, если они не сойдутся характерами, его не бросит, но до такого он додумался лишь лет в десять.

Сжав зубы, он стерпел всё: и постоянную вокруг толпу, и учёбу, и работу, и наказания, и ранние вставания и всё остальное, что было в его детской, трудной жизни. Ему всегда было несладко, ведь он был слабее многих и только классе в седьмом вдруг набрал и роста, и силы. И тогда, наконец, смог не просто отвергать все попытки его согнуть и подчинить, но верховодить и теперь сам подбирал друзей.

Но и самые близкие друзья не знали, о чём молчит он иногда, о чём стонет в нелепых и странных снах.

Он вырос, конечно. А поскольку был так называемым переростком, то есть ребёнком, которому по возрасту следовало бы учиться минимум на два класса выше, то пришлось ему услышать в свой адрес много нелестных высказываний. Не остановило злословов и то, что из-за слабости здоровья он пошёл в школу на год позже, и что провёл ещё год по санаториям, умудрившись подхватить невесть где туберкулёз, отчего и отстал. Так что сразу же после окончания десятилетки осенью его взяли в армию. Там тоже было – не мёд, но гораздо легче, чем многим домашним, потому что Славик умел давным-давно и постель стелить так, что не придерёшься, и полы драить, и картошку чистить и много чего ещё. А потому он стал совершенно открыто добиваться своей цели: получить такую специальность, которая могла бы быть употреблена в дело сразу же, как только он вернётся в гражданскую жизнь. Ведь у него главная задача – жениться, как из армии выйдет. И он получил водительские права.

А потом попал в «горячую» точку и дрался там так, что «духи», только услышав его имя, предпочитали отползти и перенести своё нападение в другое место. Но нашлись такие, что попытались его и группу его взять. Ха, после этого случая на участке, где стояла его часть, наступило столь длительное затишье, что Славка успел не просто с того света вернуться, но и практически полностью восстановиться и занять своё место в строю. А о том, что он видел и что получил в невидимых другим местах, он молчал. И тогда, и теперь.

А первое, что рассказал ему друг интернатовский, Стёпа, встреченный сразу после дембеля, была история с Саней Каменковым.

Тому, кто имеет свой дом, даже пусть такой, из которого только и остаётся сбежать, не понять силу удара, какой нанёс Славик этот рассказ. Для которого (как и для доброй трети всех бывших выпускников) домом был именно интернат и именно его навестить собирался и сам Славик. Так что не зря матерился через слово страшными словами рассказчик – детдомовский и интернатский однокашник.

У Каменкова была такая же судьба, как у Славика – судьба и участь сироты. Понятно, что после армии он первым делом помчался в свой дом родной, в интернат, поскольку другого не знал. Все радовались Сане, поскольку он был не только трубачом, горнистом, но и парнишкой замечательным, добрым. Ни одного человека не обидел за все десять интернатских лет, но помог – очень многим. И вообще был из породы тех, кого очень легко любить.

Саню немедленно затащили на кухню нынешние десятиклассники, которые его прекрасно помнили. Повара его помнили тем более и радости от встречи не скрывали настолько, что шеф-повар дядя Федя лично накрывал на стол. Саня рассказывал, как ему служилось, чему в армии научился, каких друзей завёл, что он теперь намерен делать, кто из одноклассников приезжал. И тут на кухне появился директор, всё тот же – Бочников Иван Иванович. Он, правда, всегда был суровым дядей, но ведь – такой случай! Так почему же он не заметил ни радостного Санюного лица, ни равноправно протянутой впервые руки? На «здрате», правда, ответил, хоть и чем-то похожим на «угу». Но смотрел на накрытый стол. А потом перевёл взгляд на дядю Федю. И оказал ему:

– У нас, между прочим, не бесплатный пансион и кормить без разбору всех подряд мы не можем. И не будем.

Дядя Федя, подобного выговора не ожидавший, невзирая на солидный возраст и стаж, растерялся, как дитя:

– Но ведь это...

– Вижу. У меня с памятью нормально. А если весь выпуск сюда заявится, так вы что, всем такие столы станете накрывать за государственный счет? Хотите угощать – делайте это дома!

Повернулся и вышел. Что стало с Каменковым – слов нет. Он молчал так, как молчат, теряя единственную в мире ценность и понимая, что она – последняя. И дядя Федя, и все остальные молчали, и никто не посмел Саню утешать.

Славик выслушал всё это молча. Он понимал, что не только Саша Каменков не сдержал там, на интернатской кухне, слёз, но и он, Славик, сейчас их едва сдерживал. Это и он, и ещё многие потеряли надежду на приют родного дома.

Ну что же, план у нас есть: не пропадём, невест, как известно, всегда больше, чем мечтающих стать женихом, а значит – и мужем. Так что выбрать из всех невест одну, свою, будет несложно.

Всё было, как в мечте: и «домашнячка», и светленькая, и тоненькая, и... даже имя было такое, как мечталось – Женя.

Ах, золотое время любви, ах незабываемые дни согласия и ласки, до смертного часа не забудется: рука в руке, и вкус единственных губ, и звук единственного голоса...

И кто же придумал, что всё должно заканчиваться, причём чем оно лучше, тем быстрее заканчивается. Как смогла она, ещё так недавно самая нежная, самая ласковая, самая-самая, сказать:

– Ты что, пропиваешь ползарплаты?

– Да я всё до копейки принёс!

– И ты всю жизнь намерен приносить столько??

– Если – мало, я перейду на большую машину, но тогда, ты меня видеть будешь только раз в неделю.

– Переживу! Но в обносках ходить не собираюсь, учти. Не умеешь заработать – не женись!

– Да, Жень, да ты что! я тебя всю жизнь ждал.

– Ты уверен, что меня?

– Абсолютно уверен! Я заработаю много-много денег, вот увидишь. Ну, не злись же!

Ссора погасла, но уже не бесследно. Ссоры стали повторяться с завидной частотой, становясь всё более злобными – со стороны Евгении, по крайней мере. Но Славик всё не хотел поверить, что ошибся в выборе жены. Он только пропадал на работе, надеясь заработать столько денег, чтобы ей перестал мерещиться призрак холода и нищеты. А тут и сын появился. Ничего, всё перемелется.

– Ах, ты ж идиот, опять я беременна. Ты что, намерен, как кролик, размножаться? Мне что теперь, вечно дома сидеть и нянчиться с твоими... — хорошо, что она слова не нашла...

И умерло что-то в его душе. Защемилось что-то в сердце и ныло, не проходя. И Славик, как себя не убеждал, не мог успокоиться: она просто устала, ведь всё на ней, его и дома-то почти не бывает. Ну, и мать её тоже, конечно, влияет на неё. Нужно, когда он дома, больше ей помогать. Ну, и денег стараться приносить побольше.

– Женечка, я же всю жизнь мечтал кучу детей иметь. Мы, детдомовские, всегда мечтаем о большой семье. Конечно, обеспечу и тебя, и детей. Хочешь, завтра же на Север махну, там люди за пару месяцев на машину зарабатывают, хочешь? Обещаю вернуться живым и богатым.

– Ладно.

Он уехал через неделю. И слал ей каждый месяц суммы в две-три обычных зарплаты, чтобы она не нуждалась ни в чём. И копил похлеще Плюшкина. Ведь двое детей будет скоро. Он и не догадывался, что того второго ребёнка, кому он был бы отцом, уже не будет. Посему, списывая её поведение именно на вторую беременность, прощал жене, что писала она скупно и мало: устаёт ведь она как. Но сам писал регулярно, сообщал, что скопил уже на полмашины, но если она согласится, то ему здесь предлагают остаться ещё на одну смену – может и лучше так, чтобы не мотаться лишний раз. Чтоб за один раз уже надолго обеспечить себе жизнь? Жена согласилась и он остался.

Но пробыл недолго. Потому что пришло, всё от того же однокашника Степана, письмо, век бы его не получать. Писал Стёпа коротко, в три предложения уложился, причём первое и последнее были поздороваться и попрощаться. Жена твоя, суть и была в единственной фразе письма, – партнёров меняет слишком часто, и коли не хочешь чужих детей кормить, приезжай и наведи порядок, и желательно побыстрее.

Приеду, думал Славик, тебе, Степан, живым не быть, коли соврал. Но уже сердце оборвалось и билось где-то в животе, в груди стыла пустота: интернатское братство сродни воинскому и здесь в таком важном не сокрут. Он показал это письмо своему бригадиру и уволился в один день, пообещав вернуться, если письмо ложное. Ведь это, конечно же, не может быть правдой. Всё – от зависти. Он вылетел назавтра первым же рейсом.

У него был свой ключ. И Славик вошёл, как и планировал – очень тихо, почти беззвучно: без телеграммы, даже без звонка в дверь. И, думалось ему, найду её, подойду неслышно и после испуга увижу радость в глазах, увижу улыбку, ну а потом, со Степаном поговорю. Чтоб впредь неповадно было...

А увидел, открыв дверь в комнату: две головы на подушке, и чужая голая спина. Где же, где же, Господи, дом мой?

Разводили их в несколько приёмов, всё пытаясь примирить, склеить вдребезги разбитый семейный горшок – всё же двое детей, хотя второй родился настолько не в срок, что просто физически быть ребёнком Славика не мог. Но по закону женщина, состоящая в браке, рождает ребёнка от того и только от того, с кем в браке состоит. Однако, поскольку Славик не пытался

отцовство своё отрицать, поскольку имущественных претензий у него, инициатора развода, не было, их всё же развели. Тем более, что Славик дня не жил дома после возвращения.

Он не только скандала не устроил ни жене, ни её сопостельнику, но даже слова не сказал. Просто дождался, чтобы оба его увидели, а после молча повернулся и ушёл, как стоял. Ушёл к тому самому Стёпе, который прислал письмо.

А полные карманы ставшими совершенно не нужными денег он потратит совершенно иначе, чем собирался.

В общем, как припали вдвоём к бутылке, неделю оторваться не могли. Они бы и больше не отрывались, да со Славиком стало внезапно так плохо, что он был на грани потери сознания, не теряя его, однако, столь долго, что пришлось вызывать «Скорую». Которая, конечно, отвезла его в вытрезвитель. Но Славик, и протрезвев, не выходил из своего почти обморочного состояния. Его из вытрезвителя переправили в психиатричку. А там догадались сделать рентген и обнаружили, что у Славика – туберкулёз в открытой форме. Вернулся в лучшем виде! Подарки судьбы были один другого щедрее.

Славик почти год был на государственном обеспечении: сначала месяцев восемь – больница, потом – санаторное лечение. Правда, больничный ему не оплатили, поскольку он на момент поступления в больницу нигде не числился работающим. Но разве год не работать и при этом не иметь совершенно никаких забот о хлебе насущном – плохо? Вернувшись из санатория, Славка первым делом перепрописался к Степану, что стоило ему долгих хождений и объяснений, причём и не ему одному. Потом он вынужден был устроиться на работу. Так что бывшая жена оснований предъявлять претензии не имела никаких. Алименты, конечно, платить Славик не отказывался, но поскольку он работал за самую минимальную зарплату, какую только можно было найти, то и суммы на детей поступали такие, что не только на месяц – на неделю их не хватало. Но жена-то не инвалид, и сама пусть работает. Или замуж выйдет за того, который ей второго ребёнка подарил.

А тут, как стоящий на учете туберкулёзный, Славик получил отдельную, однокомнатную, только свою квартиру. Узнав об этом, жена мириться прибегала: давай обратно жениться, сменяем твою одну, мою одну и будет – трёхкомнатная, но Славик выслушать её – выслушал, но вместо ответа предложил сходить на пиво. Пиво, это дело, а меняться – чужь собачья. Ему и так хорошо. Бывшая поняла, что тут где сядешь, там и слезешь.

Всё бы хорошо, да только если бы обнаружили две вещи: руки стали дрожать ужасно и с бабами пришлось завязать. Уже дважды опозорился – хватит. Стёпа легко его убедил, что это не он виноват, это бабы такие непутёвые попались, а Славик и согласился. Хотя в душе точно знал: это он не смог. Что ж, завяжем.

Но не это, однако, заставило его остановиться. Даже и Степан, тоже всё понявший, стал пространно разглагольствовать на данную тему. Ему же и тридцати полных нет, и чтоб – так?!? Ну нет, я ещё начну всё сначала. А такой, кому я буду нужен? Однако, это была только половина проблемы. Вторая была – похуже. Славик выяснил абсолютно точно, что с женщинами образованными ему таких контактов, которые бы потом перетекли плавно в семейные отношения, завязать не удастся. Точнее, именно перевести их в семейные – не удастся. Потому что он недавно встретил свою бывшую одноклассницу, обрадовался ей, она – ему. Встретились потом снова, он зашёл к ней в гости, посмотрел на её уютный дом, познакомился с семьёй, а потом они сели поговорить. Дочка спала, муж деликатно удалился, а они сидели и вспоминали. Пока – вспоминали, всё было хорошо. Зато потом, когда она перешли на разговор об их теперешней жизни и он узнал, что она закончила институт и работает инженером, ему стало худо. Ещё до того, как она сказала про диплом института, он понял, что она его давно и очень мощно обогнала – на годы. Она называла такие имена, которых он никогда и не слышал. Говорила о таких вещах, о которых он и понятия не имел, озвучивала такие мысли, которых он

ни принять, ни оспорить не мог, потому что... не понимал. Слышал слова, смысла которых не мог понять...

То, что она через какое-то время заметила это и стала за собой следить, даже более того, не просто вернулась к интернатским воспоминаниям, но и перешла на просторечно-разговорный язык, было ещё хуже. Так хоть можно было сидеть с умной мордой и кивать глубокомысленно, а это же – ужас, потому что всё понимать, знать, что собеседник тоже всё понимает, но делать вид, что ни ты ничего не знаешь, и ни собеседник, а что всё в порядке...

Из своего же морально-образовательного уровня жена, повторяющая первую, ему была не нужна. Потому что любой накормленной и одетой бабе, у которой так же сыты и одеты отпрыски и муж, дурь в голову шибает. Эта себе не найдёт вечного удовольствия и вечной желанной радости в работе, потому что работа эта – физическая и не так уж часто будит желание ею заниматься. Работает, чтобы есть, ешь – чтобы работать. А в промежутках между этими двумя занятиями ищешь третье, да чтобы подушечипательнее, позанимательнее, позабористее было. Мужу легче – всегда можно выпить. Бабу же всегда, в конечном итоге, тянет к другому мужу.

Сложились две половинки проблемы и выросли в одно непреодолимое препятствие. Самому пойти учиться вроде уже и поздно. Во-первых, возраст, во-вторых, кто его кормить будет? А в-третьих, даже если на заочном учиться, нужно же сначала поступить, то есть сдать экзамены. А он за более чем десять лет начисто перезабыл все школьные премудрости, которые и тогда не очень давались. А, в-четвертых, кому какое дело до того, кем он работает? Никому никакого дела – нет.

Даже если он повесится завтра, так узнают не раньше, чем через неделю. И то только потому, что больничный лист в обычных случаях дают не больше, чем на семь дней. В крайнем – на десять. А его так и вообще не хватятся раньше месяца, поскольку он туберкулёзник. А обнаружив его повесившимся, или вскрывшим вены, или иным способом на тот свет отправившимся, л ю б о й скажет: «Ну вот, допился...» Этого и следовало ожидать! Что с него взять, с алкаша? Так придётся оправдать это гордое звание алкаши. Не рубли на нас работают, а мы на них. А погонят с водителей, автослесарем я ещё больше буду иметь. Особенно на левых машинах. У Стёпы, между прочим, в деревне есть свой дом, с кое-каким огородиком, на котором автомастерскую устроить словно сам Бог велел. Не пропадём, клиенты всегда найдутся.

«Ну что ж, Славик, – сказал он сам себе, – начинаем бодро идти ко дну. Уповая на то, что всё-таки существует общество спасения на водах». Он как-то несколько призабыл, что сам как раз к числу спасателей и принадлежит. А потому ему не тонуть положено, а спасать.

Эпитет «глупая Галя» так давно и так прочно слился с Галиной Васильевной, что отмыться от него она не смогла бы ничем и ни при каких условиях. Если бы, конечно попыталась это сделать. Ведь для такой попытки ей бы надо было узнать не только то, что её так называли, но и узнать, за что именно.

Была ли она действительно глупой? Ведь всегда есть – с одной стороны и с другой стороны, с третьей... Посему, если оценивать Галину Васильевну с точки зрения профессиональной, то назвать её глупой было никак нельзя. Точно так же и нельзя привешивать ей такую кличку, оценивая её интеллектуальные способности – студенткой она была хорошей, хотя и звёзд с неба не хватала и пороку, как говорится, не выдумала б и за сто жизней.

Финансово она тоже не выглядела глупой, потому что заработала на всё точно так же, как и прочие её сверстницы. Во всяком случае, её мозговых способностей хватало для, пусть и медленного, но уверенного продвижения по служебной лестнице. Случалось, к ней даже и некоторые более опытные обращались за советом и помощью, или, выражаясь нынешней терминологией,

логией, за консультацией. И она всегда, в меру сил своих, старалась помочь. Если в этом плане её и можно было назвать глупой, то с той только точки зрения, что свою самую срочную работу она могла отложить и выкладывалась на чужой, оборачиваясь на каждый взывающий голос. А потому свою работу ей нередко приходилось доделывать уже после рабочего дня.

Назвать ее глупой, как женщину, тоже нельзя было: её жизнь ничем особенным не была отмечена. Впрочем, этот термин имеет столь многослойное значение, что применить его можно было не только к Галине Васильевне, но практически к каждому человеку, отличающемуся не совсем обычными поступками.

По общему мнению, Галине Васильевне, давно разведенной и бездетной, вполне можно было позволить вести себя не особенно строго, да что там, куда веселее могла бы она жить. Но жила она спокойно, так что и за манеру жить никто назвать её глупой всё-таки не мог. Хотя она имела, по общему мнению, полное право не делать многое из того, что делала совершенно добровольно. Галина Васильевна как-то не озаботилась эти мнения не то, что услышать, но и учитывать, почему и вела себя, как Бог на душу положит. Делала, не заботясь, что о ней люди скажут, то, что считала необходимым и правильным делать.

Не то, чтобы её не заботило, какой она выглядит в плазах людей, нет, просто, имея на руках «забытого» у неё первым мужем (кому бывшая жена оставила ребёнка и исчезла к неизвестном направлении) сынишку, будучи обязанной успевать везде и всюду: за отца и мать чужого, по сути, дитяти, вместо канувших неведомо куда родителей, за работника, да и оставаясь дочерью довольно пожилых родителей, она могла бы от всех этих хомутов легко избавиться. А, освободившись, вполне себе позволить то самое лёгкое поведение, которое якобы неизбежно для таких женщин, как она, лишь умозрительно.

Нельзя было назвать её глупой и потому, что – разведенная. Ни потому, что не обладала никакими особенными талантами – ни особым в чём-то мастерством, ни какими-то недюжинными способностями, ни даже красотой особой она не отличалась и её было очень удобно использовать в качестве образца среднестатистической женщины. Ни красивой не была, ни уродливой, ни гениальной, ни тупой – везде и во всём золотая середина, которая никогда к себе не привлекает пустых взоров.

Правда, иногда что-то странное вдруг загоралось в её глазах, в глубине зрачков её не то серых, не то светло-синих глаз и пронзительно сияло на всё встречаемое, превращая её обычно серое, заурядное лицо в нечто манящее и загадочное. Тогда на неё оглядывались не только абсолютно все мужчины, вдруг понимавшие, что у этой женщины, которой ещё минуту назад, при попытке определить возраст, можно было дать и двадцать лет, и тридцать пять, но и женщины, с изумлением обнаруживавшие, что у них, прямо под боком, есть такая красавица, мимо которой ни один принц не пройдёт. То есть такая конкурентка, которой они ещё час назад совершенно не опасались, во внимание не принимали. Потому что у Гали становились волшебными не только черты лица, не только волосы становились такими, что к ним невольно тянулась всякая рука – погладить, не только возраст совершенно терял всякое значение, но исчезало и всякое сомнение в том, что ей назначено было стать кем-то куда большим, чем занятое ею положение, которое назначила ей реальность: стерев краски с её лица, смазав чёткие рисунки с её облика, так что хочется попробовать угадать, каким же всё-таки есть настоящее предназначение этой такой постоянно невзрачной особы.

Но это бывало – редко... Очень редко. И для неё самой настолько неожиданно, что только по вдруг изменявшемуся поведению окружающих она понимала это в себе изменение. Галина пыталась понять, что это, откуда, как возникает... Вспоминая, сопоставляя, анализируя, она пришла к выводу, что это ярчайшая иллюстрация закона о переходе количества в качество. Когда шла полоса удач и одно за другим случались хорошие события, у неё, мало-помалу, день за днём улучшалось настроение, а потом что-то случалось с душой. И в какое-то мгновение

она, от какого-то микроскопического, ею самой не осознанного и не отмеченного, повода становилась непостижимо загадочной, мимо которой совершенно невозможно пройти.

Нужно признать, конечно, что конкретных событий должно было случиться или много мелких достаточно длительное время или несколько крупных. Притом неважно, в чём именно они заключались: неожиданная премия равнялась прекрасному солнечному дню, неожиданно подаренному букету, удачной покупке, завершению рабочего задания и так далее. Что самое смешное, цветы ей дарили не тогда, когда она в этом нуждалась, а тогда, когда она и так уже была счастлива.

Имея такие возможности – во времена свечения – охмурить кого угодно, она ни в один из этих периодов так и не завела себе никого. Из страстно желающих и желание это облекавших во вполне конкретные действия – вот что самое странное! Ну, как её дурой не назвать? Правда, Галина Васильевна вращалась в среде инженерно-научной, так что и тут её дурой назвать вряд ли было бы верно. Слово это здесь использовалось только тогда, когда сотрудники яростно воздевали руки горé, страстно возмущаясь очередным поступком Галины Васильевны из разряда тех, что – ни в какие ворота...

...Как было доподлинно известно, в былые времена Юрий Петрович был великим эрудитом и ещё большим талантом. Во времена оны он разрабатывал какую-то сногшибательно серьёзную штуку. Настолько сногшибательную, что им, то есть разрабатываемой этой штукой, заинтересовался ВПК. Но и им самим, конечно, тоже, ведь штука была очень серьёзной. В общем, предприятию проект должен был принести неслыханные прибыли, а самому автору, как минимум, патент и солидную кучу денег. Юрий Петрович прошёл уже три четверти пути, притом – в одиночку. Что он там придумал, теперь, за давностью лет, установить трудновато – да и кому это нужно?

Юрий Петрович последнюю часть пути не прошёл. А почему? – жена бросила! Не вынесла, что муж не только днюет и ночует на своем заводе – но и дома настолько закопался в свои чертежи и писанину, что и грома не слышит – ни настоящего, небесного, ни искусственного, женой организованного. Поднимет голову, и: «А? Что? Где?» и уже на «где?» сам себя не слышит. Так что жене приходилось либо закрывать рот, не высказавшись, либо высказываться безответно.

Казалось, разве Юрию Петровичу нужна жена? Нет, тысячу раз нет: он и забыл, как она выглядела в последний раз. Однако, когда жена исчезла из дома, он, обнаружив это, – правда, где-то дня через три, когда понял, что его перестали кормить, и выяснил, что случилось – он впал в депрессию столь необъятную, сколь необъятной была его рабочая углублённость в дело, в себя.

Ну, свет не без добрых людей, которые помнили Юрия Петровича компанейским, весёлым товарищем – до штуки, станка или чего-то там. В общем, налили раз, налили два, а в третий – он сам попросил. Доверчив был, как последний дурак: не могли же его обмануть, сказав, что это залечивает раны. Залечился так, что...

Вот в этот период его и встретила Галина Васильевна. Какая нечистая сила занесла её на предприятие Юрия Петровича, что Гале было там нужно, уму непостижимо. Однако – занесла. Юрий Петрович, как и всегда, сидел в холле своего этажа и курил. Потому что не только кабинета у него не было давным-давно, но даже и рабочего стола. Любопытающий себя человек, а тем более – женщина, прошли бы, естественно, мимо. Галина Васильевна же стала именно у него выяснять, туда ли она попала, да на месте ли тот, к кому она пришла, да действительно ли таковы его имя-отчество... В общем, Юрий Петрович настолько почувствовал себя уважаемым человеком, что слово за словом, перешёл на себя и прочёл Галине Васильевне длиннейшую слёзную лекцию о коварстве женского рода вообще и его конкретной бывшей жены, в частности.

И она – ну, не глупая ли? – слушала его со всем возможным вниманием, словно родного начальника, поручающего ей работу государственной важности. Конечно, вступить с Юрием Петровичем в контакт на уровне первичных вопросов, а то и, – при соблюдении некоторых условий – например, все прочие сотрудники испарились от летней жары или стоят в очереди за австрийскими сапогами, – мог каждый. Но только до этой грани. Если бы очередь продвигалась из рук вон медленно, мог бы и выслушать исповедь Юрия Петровича. Однако, естественно, ограничился бы в беседе с Юрием Петровичем ответной краткой нотацией о нехорошем отношении к женщинам. В самом крайнем случае расщедрился бы на несколько практических, но невыполнимых житейских советов.

Невыполнимых потому, что всё ведь зависит от того, сможет ли получатель совета его осуществить. Но первый же взгляд на внешность Юрия Петровича убедительнейше свидетельствовал, что он подобные советы может разве что услышать. Даже в отношении понимания гарантий не было. Куда уж тут выполнять!

Внешность Юрия Петровича была довольно примечательная. Народ нынче, слава Богу, на работу одевается не хуже, чем когда-то в праздники, а посему крайне затрапезный вид Юрия Петровича просто автоматически останавливал на себе любой взгляд. Мало того, создавалось впечатление, что этот человек спит, не раздеваясь, уже очень долгое время, да ещё и в подвале, ибо его одеяние издавало какой-то тошнотворный гнилостный запах. А между тем было известно, что у Юрия Петровича – прекрасная двухкомнатная квартира. Кроме всего остального, взгляд на него немедленно вызывал к действию все возможные отрицательные рефлексy здорового организма.

Очевидно, сознавая всю свою непривлекательность, Юрий Петрович упорно стремился уменьшить свой рост и былой разворот плеч. С метра восьмидесяти он умудрился ужаться как минимум сантиметров на десять, для чего ссутулился, достигнув при этом и второго результата: скрыть, что он ещё довольно молодой и сильный мужчина, ещё совсем недавно неизменно привлекавший женские взгляды.

Кто кому из них назначил свидание – неизвестно. Однако, факт остаётся фактом: Галина Васильевна как пришла в один прекрасный день в гости к Юрию Петровичу, так и застолбила для себя эту квартиру в качестве участка приложения сил. Вот же глупая баба, прямо кошмар какой-то: имеет собственный дом, имеет на шее чужого ребёнка, имеет в другом конце города больных стариков-родителей – ей мало... Ходит теперь ещё и к Юрию Петровичу убираться, стирать и готовить. Притом тратит на эти сомнительные удовольствия собственные гроши. Ибо Юрий Петрович свою зарплату в день получения немедленно относит в гастроном: частью покрывает задолженность продавщице Даше, а на остальные тащит домой вино прямо в ящике. Бывает, что и два, если ему перепадает премия, ибо коллективу совестно не наделить его лишней десяткой. Хотя он и не имеет на неё практически никакого права.

Лечить Юрия Петровича – абсолютно бесполезно. Его уже дважды лечили: не проходит и двух недель после выписки – в аккурат до очередной полочки, в которую нужно обмыть результат лечения, и Юрий Петрович опять неделю отсутствует. И ни для кого не секрет, где он и чем занят. Впрочем, из него такой работник, что его самое время переводить в сторожа, если только не была бы столь высока опасность потерять даже самое малоценное имущество. Пусть уж лучше дома сидит. Оно, конечно, он давно заслужил, чтоб его уволить по статье... Так ведь пропадёт окончательно и уже тогда ничто его не спасёт.

Но Галину Васильевну не зря называли глупой. Бытует такая поговорка в просторечьи: «дуракам закон не писан...» Так она, словно именно по этой поговорке, и поступила: отвезла Юрия Петровича в психушку, да не поленилась с лечащим врачом-наркологом поговорить

по душам, да при этом умудрилась договориться (ведь – не за так же, а?), чтоб её бесценному Юрочке – и палату поменьше, и лечение в соответствии с его индивидуальными особенностями... Можно подумать, что они у него есть на сегодняшний день! Галина Васильевна носилась по городу в состоянии, когда, как говорится, «язык шарфиком», то за апельсинами, то за творожком, а то и за лекарством каким-то дефицитным... И можете быть уверены – всё находила!

А ко дню выписки Юрочки отколола ещё один номер: взяла да уволила Юрочку с его завода, на котором только и могли его держать, памятуя былые заслуги. Уж что она собственному начальству наговорила и наобъясняла, что наобещала клятвенно, – тайна. Однако, Юрия Петровича взяли на работу инженером-конструктором.

Но не глупа ли Галина Васильевна? – она не остановилась на достигнутом и взялась обменять Юрочкину квартиру на другую, поближе к работе. Кто менялся, представляет себе масштабы этого бедствия во всех аспектах. А кто не менялся, пусть представит себе три поэтапных переезда с интервалом в два месяца: хоть какое-то понятие будет. Обменяла, хоть и потратила на это год времени. А оно, спросить, ей было надо?

В общем, года через полтора бывшие сослуживцы узрели Юрия Петровича – где бы вы думали: – в театре! Белоснежная рубашка, модный галстук, костюм – явно не отечественный, а выглажен! – порезаться можно! Неужели у этой глупой бабы всё-таки вышло?

Но надолго ли хватит Юрия Петровича»?

– Её хватит ли? – кто-то – задумчиво...

Пока её хватало. И на работу, и на дом, и на сына, и на Юрия Петровича. Пока хватало. Пока её никак не касался обычай обмывать первую зарплату, Галина Васильевна как-то мало об этом и думала. Но теперь она иногда измышляла достойную кару тому, кто это придумал. Дело было абсолютно безнадежное, ибо так ведётся неизвестно с каких пор, а следовательно, настоящий инициатор давно сгнил в могиле – но это Галину Васильевну не останавливало. Она кровожадно мечтала о том, как заставляла б его пить и пить, не давая закусывать и не спрашивая, хочет ли он ещё, может ли, а если стал бы отказываться, заливала бы в глотку! Проследив, чтобы не захлебнулся, а выпил бы всё, что выпили по его почину все те невинные жертвы – во все времена, вплоть до сегодняшнего дня – которые начинали именно с обмывания зарплат.

Эти её планы становились особенно желанными к исполнению в дни, когда Юрий Петрович напивался снова. Ибо никогда он не делал этого в одиночку. Но всегда находился кто-то, кто уговаривал его выпить, уверяя, что от такого маленького стаканчика не будет ему ничего. Бывало, каждый раз бывало. И снова тащила она Юрия Петровича к тому же врачу и отлеживался Юрочка две-три недели и до очередной встречи с каким-нибудь давним знакомым воскресали надежды Галины Васильевны, что снова станет Юрий Петрович таким, каким был семь лет назад.

Уже сколько раз она начинала всё сначала, сколько раз! И, пожалуй, самым трудным было убедить ей Юрия Петровича в том, что он вовсе не сидит у неё на шее. Не разорится же она и самом деле из-за нескольких передач. Да ведь и Юрий Петрович помогает ей тоже: дом без мужчины – это дом без мужчины. Правда, сын уже подрос, сам кое-что может отремонтировать, но это всего лишь мальчишка двенадцатилетний. И конечно, он всего не может. Так пусть Юрий Петрович вспомнит всё, чем он помог по дому, а Галина Васильевна подсчитает. И не окажется ли вдруг, что она у него в куда большем долгу.

Но это помогало временно. Хотя Юрий Петрович обретал потихоньку былой разворот плеч, сутулиться тоже почти перестал и запах этот гнилостно-затхлый Галине Васильевне удалось-таки искоренить. Но всё-таки оставался он в состоянии какой-то внутренней сломленности, что-то так и не понятное Галине не давало ему окончательно поверить в собственные

силы, в собственную ценность, значимость. Галина Васильевна перепробовала, передумала всё, но одного она разгадать не могла.

Это «одно» разгадалось само собой. В один прекрасный день, вернее вечер, когда они возвращались из театра, впервые за всё время их знакомства в глазах Галины Васильевны вспыхнул свет. Основания, конечно, были, тут её душа не обманывалась никогда: и дома, и на работе было всё хорошо, вот Юрия Петровича она подняла до такой степени, что он естественно чувствует себя в праздничной одежде и праздничной атмосфере... Да, основания были. И вдруг, абсолютно для Юрия Петровича неожиданно, она расцвела неведомо как: ведь такую он её уже видел, в такой одежде, имеется в виду.

Если мужчина видит взгляды, которые бросают на идущую рядом с ним женщину, причём едва ли не чётче, чем сама она, и осознаёт, на кого смотрят, его это всегда сначала удивляет. Поняв, что смотрят на Галину Васильевну, на женщину, которая – с ним, в Юрие Петровиче словно тоже что-то вспыхнуло. Плечи его расправились окончательно. И он это понял, ощутил. И догадался, что теперь он должен быть с Галиной Васильевной другим, то есть прежним.

Ну вот, теперь ей вполне полагается награда за мужество. Если только их выдают в обычной жизни. Теперь, поскольку для Юрия Петровича это значило гораздо больше, чем для обычного человека очередная женская ласка. Первого своего, единственно любимого мужчину она такими словами не ласкала, нежностью такой не пьянила... А здесь все смогла, всё сумела, неважно – как.

Важно – смогла. И будет мочь столько дней, сколько будет нужно. Ему. Как она это сможет всегда: с её дохлым темпераментом, которого, возможно, у неё и вовсе нет, – неважно. Вот и ты подтвердила делом утверждение о женском великом актёрском даре...

Единственное, чего она не смогла сразу – согласиться выйти за него замуж. Но, потеряв то единственное, что только и держало её на линии «мочь всё» – свободу, знание, хотя и абсолютно бесполезное из-за невозможности использовать, – что в любое мгновение можно уйти. Хотя абсолютно точно знала, что уйти нет совершенно никакой возможности. Ей понадобилось несколько времени, чтобы, лишившись этой единственной опоры для постоянного мужества, не отступить, согласиться. Она и это смогла. Она не только это, но даже больше смогла: выглядеть счастливой! И те, кто всегда безапелляционно произносил в её адрес «глупая», теперь лишь молчаливо дивились: вот так глупая!!?

Она смогла ещё больше: осуществить предложенный Юрием Петровичем съезд. Потому что как же она могла бы отказаться? Не было иного выхода, не было!

Она твёрдо запретила себе думать о собственной душе. Этого было нельзя. И – почти удавалось. Тем более удавалось, что уж теперь-то ей сказали, что вечно считали её глупой. Самой глупой из всех, и не только женской половины населения города, но, вполне возможно, страны, а посему просят у неё извинения, право, пусть она простит, что они за глупость её почитали то, что оказалось целеустремлённостью.

Врут, что рока – нет. Чем тогда объяснить, что в самые счастливые для себя дни Юрий Петрович встретился со своей первой женой? Причём его несколько дней угнетало что-то, хотя никаких причин для плохих предчувствий не было. Но сапожник – всегда без сапог!

Абсолютно случайно встретились бывшие супруги, на улице. И она, оценив, каким он стал сейчас, заговорила, а он – ответил! Старая любовь не ржавеет! И потом он встретился с ней снова, а потом – ещё раз... А она, состоя как раз во втором уже, после Юрия Петровича, разводе, решила провести с ним время до следующего супружества.

Почему Юрий Петрович напрочь забыл о Галине Васильевне и снова потянулся к той, которую даже великая его к ней любовь не остановила от предательства? Она, знал бы Юрий Петрович, вовсе не случайно встретилась с ним, и, естественно, была прекрасно осведомлена не только о состоянии всех его дел, включая информацию о существовании Галины Васи-

льевны, но и даже о новом его адресе. Но когда Юрий Петрович в какую-то безумную минуту предложил ей снова стать его женой, она со смехом отказалась. За потенциального алкаша? Ни за что!

И вскоре Галине Васильевне пришлось начинать снова: с куда меньшими шансами на успех. Нет, она и вправду – глупая!

Пока рассказывалась история Галины и Юрия Павловича, Лена всё ещё переживала рассказ Саши. Особенно окончание его повествования было ей очень близко, потому что оставалось лишь удивиться, каким удивительным образом они с Сашей умудрились в Доме печати ни разу не встретиться, хотя бы в буфете. Они встретились в совсем другом месте – в парке культуры, и, знакомясь, не подозревали, что работают в одном здании, только на разных этажах.

Лена всегда о себе знала, кем будет. Ей казалось, что она прямо-таки родилась с этим выбором профессии. Хотя, конечно, понимала, что этого быть не могло – гены, по логике вещей, должны были звать её в медики. Но не это, существующее у неё знание, её поражало. А то, что из десяти её приятелей и знакомых только каждый девятый знал, да и то не совсем убеждённо, что намерен делать, каким делом заниматься всю оставшуюся жизнь. Которая только начиналась.

– Ведь нравится же тебе чем-то заниматься больше, чем всем остальным? – спрашивала она иногда. – Неужели так сложно выяснить для себя, чем хотелось бы заниматься и сегодня, и завтра, и впредь?

И приходилось выслушивать длинные и путанные объяснения, что поди тут выбери, если каждый день что-нибудь новое появляется и очень хочется попробовать это новое.

– Так до конца дней своих и будешь пробовать! – уже злясь, отрезала Лена, теряя интерес к очередному любителю новых ощущений.

Она крайне скептически относилась к службе профориентации: как, скажите на милость, убедить человека в чём-то, если он то и дело собственное имя меняет, пусть даже в мыслях. А иногда и на деле. Или взять вот её, Лену: разве можно её убедить стать кем-то, если она уже сделала выбор? О, конечно, теперь всё больше новых профессий, о которых без подобной службы трудно узнать. Но ведь как-то приходят туда, в эти производства и науки, люди? Приходили как-то и без службы?

Деятельность которой она себе представляла так: приходит туда толпа незнаек и их направляют туда, где в данное время нужнее всего рабочие руки. Ведь им что ракету монтировать, что санузлы – без разницы. Лена не в состоянии была разгадать этот непостижимый для неё феномен – ничего не хочу. Как это можно ничего не хотеть, никуда не стремиться? Не хочешь – иди гуляй. Тоска с тобой.

Больше всего на свете Лена любила читать. На хорошую книгу она могла бы обменять что угодно из так называемых материальных ценностей. И не раз родители ругались, что ни помощи по дому от неё не дождёшься, ни хотя бы нормального сна, ни вообще ничего, и остаётся только отнять книгу. Тогда только родная дочь вспоминала о реальности и способна была услышать обращённые к ней слова. Лена, естественно, знала, что не одна она такая сумасшедшая: самые лучшие книги во всех библиотеках всегда – «на руках». А в магазинах – не успевали привезти, как уже и нет ничего – всё расхватили.

Среди приятелей и друзей Лены было несколько таких же фанатиков книги, как и она. Но зато все остальные! Прочёл? Да. Ну и как? Никак. То есть как это – никак? Как может не остаться никаких впечатлений? Не осталось, и всё. Книга, как книга. Зачем же читал? Просто так. Волосы дыбом.

Её мучили неразрешимые проблемы, притом самые разные и самые неожиданные, не имеющие к ней никакого, казалось бы, прямого отношения. Но это – ещё как поглядеть.

Вот, например, алкоголики. Не раз и не два видела она их – на улицах. Брезговала ими. Но и не могла не думать: почему пьют каждый день? Неужели нечем заняться? Какая должна быть этому причина? Ведь не на ровном же месте человек спивается? Лена не то слышала где-то, не то – читала: пить начинают от беды. Возможно. Но беда, несомненно, длилась куда меньше, чем её заливание спиртным.

Она провела некоторые изыскательские работы, чтобы установить для себя не только почему начинают пить, но и почему не бросают. Нет, не от беды пьют. Потому что беды случаются со всеми без исключения, но алкоголиками становятся считанные единицы. Нет, не от горя, от пустоты внутренней пьют. От скуки. Не знает человек, чем бы ему заняться и развлекается самым быстрым способом. А самое большее через час ему уже не требуется веселья. На сутки примерно.

Если из числа настоящих алкоголиков отделить некоторый процент тех, кто на генном уровне склонен к различного рода зависимостям, то остальные спиваются именно от душевной, духовной и умственной лени. А лень победить может только сам человек. Откуда иначе это полное отсутствие интереса и стремления к любому нормальному занятию? Как люди теряют вообще всякий интерес к жизни? Это – непонятно. И – отталкивающе.

Лена, если бы её спросили, была против лечения алкоголиков. Лекарствами. Потому что совершенно уверена была, что лекарств против алкоголизма нет и быть не может. Потому что и лекарства созданы для ленивых. А, организовав что-то типа закрытых предприятий, поставить каждого из них перед необходимостью достичь в любой выбранной профессии самого высокого уровня. А его, как известно, не достигнешь без искреннего интереса, без любви к работе, которую делаешь. Попутно же, вторым необходимым условием, поставить задание прочесть определённый список литературы. Литературы художественной, духовной. А последним в этом списке должно быть Евангелие. И когда человек эту духовную лестницу пройдёт, то есть не только поймёт, о чём толкует Священное Писание, но и естественным образом станет Учению следовать, сама собой отпадёт необходимость пить.

А отваживать от вина – насилием и лекарствами: смешно ведь. Во-первых, запретный плод – сладок. Во-вторых, если человеку безмерно интересно жить – зачем ему пить? В-третьих, если вино будет настоящим, – бывают ведь вина – произведение искусства, – люди к нему иначе будут относиться. А пойло, которое иначе, чем «бормотухой» и язык не поворачивается назвать, станет никому не нужным.

Лена вдруг опомнилась: чем решать мировые проблемы, не умнее ли читать учебник, уже больше часа открытый на всё той же странице. А ведь на календаре – середина июля и до вступительных экзаменов остаётся времени всё меньше. О том, что Елена Степанова никем, кроме журналиста, быть не может, известно пока только ей самой. Курсы фотографов и машинописи закончить будущему журналисту, конечно, нужно, но ему не менее важно получить высшее гуманитарное образование.

Она строго приказала себе срочно отставить все посторонние мысли и помнить только о не выученных учебниках.

Того, что она может не стать студенткой, Лена и в мыслях не допускала. Однако – человек предполагает, а Бог располагает. В роли Бога выступала приёмная комиссия, не внесшая фамилию Лены в списки первокурсников. Лену, как всегда, погубили исторические даты, которых она никак не могла упоминать, но зато перепутала так виртуозно... Это было тем более странно, что на память она, в общем, не жаловалась: например, нужные телефонные номера она запоминала с первого раза, не записывая и помнила их годы. Осталось ей вздохнуть – даже на заочный её не перевели, ибо там обязательно нужно иметь газетные публикации – и пошла устраиваться на работу. Конечно же, в редакцию.

Чувство, с которым Лена вошла в редакционный коллектив, было сродни тому, с которым сознающий себя смертным грешник вошёл бы в рай. Журналисты – это боги! Нигде, никогда, никак, ни при каких обстоятельствах они не могут оказаться такими, как всё прочее население Земли. Они – журналисты. К чему слова!

Справедливости ради нужно отметить, что хорошо работать в прессе может только тот, кто действительно любит эту работу. Она – на ну очень большого любителя. Тот же, кто стремится отработать свои восемь часов, а там – хоть трава не расти, сбежит через неделю. Его ни за что не устроит принцип: хоть помри, но публикация должна выйти. И она выйдет, даже если от тебя останется только холодный труп. Но и труп-то останется тогда лишь, когда выйдет материал. Не раньше.

Сначала на Лену поглядывали с лёгким подозрением, но оно мало-помалу сменилось пониманием: своя. Она была – такая же. Она была пока «старшей, куда пошлют», но ведь любая работа важна, в том смысле, что каждый стоит в трудовой цепочке и стоит звену оборваться или истончиться, как все другие звенья начинают это на себе чувствовать.

Её обижало это недоверие только несколько дней – если она его замечала: слишком восторженными глазами смотрела на газетчиков. Потом она забыла о недоверии и помнила только одно: она – достигла Олимпа. Лена, если бы могла, делала бы сама всю работу – от начала и до конца. И она просто не понимала, как это было, когда её здесь – не было. Как тут вообще обходились без столь ценного кадра?! И как она жила бы, если бы, тьфу! тьфу! тьфу! – она вдру с мечтой рассталась...

Она наслаждалась, общаясь с небожителями – корреспондентами. Боже, слово-то – какое! А что – за словом... Какие – люди! Где только они не бывают: ну, что может увидеть на самой обычной стройке другой, простой человек? А у журналиста обязательно появляется статья. Да, конечно, у него работа такая, но ведь не каждый и может быть журналистом.

Если было бы можно, Лена переселилась бы в редакцию. Впрочем, она вряд ли осмелилась бы высказать кому-нибудь такое желание – засмеяли б! Да и – нужно ли жить в храмах?

Господи, кто научил людей завидовать и ссориться?

Зазвонил внутренний телефон:

– Раису Филипповну просит зайти редактор.

– А она вышла.

– Ты зайти.

Лена, естественно, пошла. Редактор спросил, управится ли она за час – срочно нужно сдавать в набор передовую.

– Постараюсь.

Бегом побежала на рабочее место и стала работать с максимальной быстротой: в набор же, в номер! А она и так печатала со скоростью пулемёта. Лёгкость пальцев при печатании, оказывается, напрямую зависит от уровня грамотности и наличия слуха, имеется в виду музыкального. Потому что крайние на клавиатуре буквы, между прочим, звучат совсем иначе, чем те, которые расположены в центре.

Раиса Филипповна, вернувшись и обнаружив – она всегда контролировала, чем занята Лена – что Лена печатает, более того, заканчивает редакторский материал, решила, что нанесен прямой урон её авторитету заведующей. Лена, хоть и была оскорблена и тоном Раисы, и обвинениями в подхалимаже, молча отдала Раисе статью, памятуя о её срочности. А отношения можно выяснить после.

Но уж коли зло должно свершиться, нельзя терять бдительности, ибо оно свершится-таки. Не подозревая, что бросает горящую спичку в бочку с порохом, Сергеева, войдя, сразу же обратилась к Лене, видя, что та не занята. С, конечно же, срочным, в номер, материалом. Не только Лена, никто в двенадцатиэтажном здании Дома печати не сумел бы отказать Сергеевой...

Раиса продолжала стучать, но скорость всё возрастала и стала напоминать непрерывную пулемётную очередь – до конца листа. Лена чуточку удивилась: даже не знала, что Раиса тоже может печатать так быстро, но долго удивляться ей было некогда – Сергеева ждёт. То есть – новый номер.

Раиса стала злиться всё больше: пытаюсь сесть на два стула, она стала торопиться и делать ошибки. И Лена, торопясь медленно, обогнала её, закончила раньше, а так как Сергеева придти не успела, сама к ней побежала. А когда вернулась...

– Как! – кричала в ярости Раиса, – некоторые в газете – без году неделя, а им то редакторские материалы дают в работу, то сергеевские!

Чем дальше орала, тем хуже Раиса выбирала выражения и выговор за неизвестно какие преступления превратился в обычную базарную ругань, сдобренную далеко не литературными эпитетами.

Лена – молчала. И от неожиданности, и от непонимания вины, и от невозможности происшедшего: чтоб в редакции и – кричали? Очевидно, крик в редакционных стенах был более, чем странен: к источнику шума подходили всё новые слушатели. А Раиса стояла к двери спиной и продолжала орать, распаяясь всё больше от собственного крика.

Шок был таким оглушительным, что Лена вдруг, для себя самой совершенно неожиданно, сказала:

– У вас дома пожар. А ваш сын спит и может погибнуть.

Раиса захлебнулась на полуслове.

– Какой пожар?

– Я не знаю. Сильный дым на кухне. Звоните сыну.

Из толпы зрителей вынырнул выпускающий редактор Вадим, подошел к Раисе, взял её под локоток и вежливо провёл в секретариат, хотя позвонить она могла немедленно.

Тут только, оставшись забытым актёром на онемевшей сцене, Лена поняла, до какой степени унижена. Будь она одна в комнате, она, конечно, разрыдалась бы. Но на людях – ни за что. А выйти у неё и сил не было, да и некуда особенно было: все ведь уже знают о скандале и разговоров не оберёшься. А у Лены не было сил на разговоры.

Сергеева сочла нужным Лену успокоить: подошла к ней, получила свою страницу, и спокойно, словно в сотый раз, позвала спуститься в буфет выпить кофе.

Лена, естественно, пошла. А зрители, основная часть которых устремились в секретариат, чтобы поддержать ответсека Шохина в нелёгком споре с Раисой, если этот спор состоится или поучаствовать в сочувственном хоре по поводу пожара, если таковой действительно случился, столпились у двери в секретариат, не позволяя дверь эту закрыть. И внимательно наблюдали, как Раиса набирает номер и трепетно ждали, пока ей ответят.

Она дозвонилась примерно на пятнадцатом гудке. И оказалось, что пожар действительно был и, если бы не этот звонок, сын мог бы и не проснуться. Тут ответсек перехватил трубку и спокойно и подробно командовал сыном Раисы, веля тому окон не открывать, а идти к выходной двери и выходить на лестницу. И стучаться к соседям, чтобы вызывали пожарных.

Лена ничего об этом не знала. Она вообще продолжала пребывать в шоке, хотя внешне вела себя почти спокойно: пила кофе, что-то отвечала на вопросы, вот только временами по ней проходила нервная волна и она довольно сильно содрогалась от этой волны.

– Тебе, кажется, лучше бы домой поехать.

Лена кивнула: наверно.

Сергеева в шесть секунд получила у ответсека разрешение на уход Лены домой и согласие Вадима это решение воплотить в жизнь. Так что Лену сводили за сумкой и вскоре усадили в машину.

– С тобой подняться? – спросил Вадим.

Она отрицательно покачала головой.

– Дома есть кто-нибудь?

Она опять ответила отрицательным кивком.

– Тогда сразу же ложись. Отдыхай. Я попозже перезвоню. А то возьми завтра отгул, пережди. Раиса та ещё штучка. Цунами следует в бункере пережить.

Лена кивнула, вышла и машины и даже слабо махнула рукой, одновременно благодаря и прощаясь.

Голова болела дико. Лена пошла под душ, надеясь смыть с себя и ужасный Раисин ор, и головную боль, и вообще весь этот ужасный день. Но душ не помог. Лена повалилась на диван, обхватив голову руками и неожиданно уснула.

Родители, придя с работы и увидев её не просто дома, а ещё и спящей, растерялись неопишимо – давно уже такого не было. Ходили на цыпочках, а посему Лена так и проспала до утра.

– Вставай, доча, на работу пора.

– У меня отгул. Голова дико болит.

– Давай врача вызову.

– Вызови.

– Хочешь, останусь?

– Сама открою. А тебе опаздывать нельзя.

Мать принесла ей горячего чаю, поставила рядом на тумбу, но Лена к нему так и не прикоснулась.

Врач оказалась, естественно, терапевтом, но услышав описание головной боли, поняла, что тут что-то нестандартное. Тут же позвонила коллеге и позвала невропатолога.

Та прибежала быстро, благо поликлиника находилась по соседству. Они долго, поочередно, Лену расспрашивали, а она, довольно подробно, насколько была в состоянии, рассказывала о вчерашнем скандале на работе и объясняла, что боль началась именно после этого безумного крика. И не проходит. Хотя Лена не принимала пока никаких таблеток, так что пусть ей что-нибудь пропишут.

Ей выписали рецепт, но тут же сделали какой-то укол и она снова уснула.

– Если не полегчает, вызывай скорую.

– Ладно.

Вечером мать промчалась по аптекам, Лена, получившая больничный, на работу не ходила ещё неделю. Боль стихла до терпимого уровня, но дело было не в этом. Неизвестно было, как вернуться на прежнее место: с Раисой в одном помещении Лена больше находиться не сможет.

Дня через три, когда головная боль стихла до фонового уровня, Лена рискнула доползти до кухни. Кофе хотелось и она решила, что хватит отлёживаться.

Пить кофе она отправилась ближе к дивану. Тут позвонил, неожиданно, литературный редактор Володечка, то бишь – Владимир Николаевич, который был лицом независимым и уважаемым.

Лена на Николаича за его вечные подначки не обижалась: на него вообще было невозможно обидеться, он был всеобщим любимцем. Володечка о газете знал всё. И всё, что знал, знал для газеты. Любую нужную информацию Володечка выдавал в рекордно короткие сроки с энциклопедической точностью: любой компьютер утрётся! Если кто-то чего-то не знал, бежали к Володечке и ещё не было случая, чтобы он не помог. Чтобы не дал подробнейшего, исчерпывающего ответа.

– Ну что, болящая, когда мы будем иметь несравненное счастье лицезреть тебя в наших стенах?

– Не знаю.

– Что, так всё серьёзно?

– Уже легче.

– Извини, конечно, что я не в своё дело лезу, но не приходила тебе в голову мысль сменить статус?

– Не поняла?

– А что непонятного? Переходи во внештатники. Вольные хлеба и полная почти независимость. В зарплате временно потеряешь, зато в публикациях приобретёшь.

– Я обдумую.

– Давай. Будешь у нас, заходи, буду рад тебя видеть.

– Спасибо.

– С боевым крещением! – Володечка оценил первую публикацию и сиял так, словно Лена была его дочерью, не меньше. – Для первого раза, Лена, совсем не плохо.

Сергеева тоже не жалела поздравлений и даже расцеловала Лену. Даже Раиса не захотела отстать от общего хора и постаралась улыбнуться. Но редакторские слова превзошли самые радужные надежды.

– Молодец, Степанова. Настолько молодец, что – обещаю: как только перейдёшь на второй курс, переведём тебя в стажёры. Если будешь писать. А рекомендацию для поступления дадим отличную.

Лена обрадовалась, да ещё как! Хотя – разве нужно обуславливать, чтобы она писала? Да она всю жизнь только об этом и мечтала...

– Послушай, – заявил Володечка месяца через три, – или я ничего не понимаю в журналистике, или в тебе есть-таки божья искра. Ты ведь, по логике вещей, не должна бы самоходом за несколько месяцев столькому научиться... Или ты учебники читаешь втайне?

– Не слишком ли уж вы меня хвалите, Володечка?

– А ты решила, что я тебя хвалю? Прелестно. Да только учти, я, с моим опытом, чем дальше, ошибаюсь всё реже. За последние десять лет ошибся один только раз. А может, и не ошибся, не уйди Берёзкин в чиновники – я до сих пор уверен, что мои слова оправдались бы один к одному. Гляди и ты не уйди.

Увидев, как на подобное предположение среагировала Лена, Николаевич захохотал:

– Ошиблась, я в своём уме. Шуток не понимаешь!

– Шутка шутке рознь!

– Ну вот, уже и обиделась. А, может, – сказал он лукаво, – я тебя переоценил, а всё это заслуги твоей наставницы Сергеевой?..

– С каких это пор она – моя наставница?

– С твоей первой опубликованной заметки. Не хочешь же ты сказать, что из написанной тобой белиберды, годящейся, за исключением единственно фактажа (а разве это ты способна набирать его в таком качестве и в таких аспектах?), только в корзину, ты сама потом делаешь сногшибательные репортажи?

– А кто же? Вы что – всерьёз?

Володечка смеялся так, что кто-то даже открыл дверь в комнатку, носившую громкое имя кабинета.

– Дурочка, – сказал он, отдышавшись, – да неужели же ты не знаешь о существовании такой вещи, как стиль? Столь же неповторимого, столь же недоступного для подделки, как отпечатки пальцев? Неужели не знаешь? А могла бы. – И снова захохотал, да так заразительно, что и Лена не выдержала.

– Да ну вас!

Но шутки шутками, а времени ей стало не хватать просто катастрофически.

«Ты стала деловая, как электровеник...», – зло сказала Лене однажды лучшая подруга Валя. – «То у тебя удлинённый день, – а он у тебя когда-нибудь бывает сокращённый? – то у тебя свидания, то ты готовишься к экзаменам, то ты в библиотеке, то несёшься на idiotские курсы фотографов, то мчишься невесть куда по первому звонку... Ты как полагаешь – с тобою реально дружить?» А в тот же день и мама, словно сговорившись с Валею, прочитала длинейшую лекцию о морально-нравственном долге дочери. А Лена – виновата, что в сутках только двадцать четыре часа?

Поссорилась, оправдываясь, и тут же помирилась с обеими. А времени-то всё равно не прибавилось. А тут ещё Лене не терпится осуществить свой великий тайный план и попробовать написать художественный очерк. С Валею посоветоваться надо бы, а то даже всё понимающий Володечка может Бог знает в чем её заподозрить: с таким ли куцым опытом братья за очерки?

– Так попроси свою Сергееву, пусть поможет. Подружка ведь, – в последние слова Валя вложила всю злую обиду, всю ревность, весь сарказм, какой только в себе нашла. Но всё это пропало без пользы – Лена его не заметила.

– Ты не понимаешь – ничегошеньки! Во-первых, она вовсе не моя. Я и вижусь с ней реже, чем с тем же Володечкой. Во-вторых, как раз к ней обращаться и нельзя. Всё, что я пишу, я пишу – сама. Её и так уже, без малейших на то оснований, записали в мои негласные наставницы. Хуже – Володечка пошучивает, что пишет она за меня. А ты знаешь, что за человек Николаич? Ему бы в жизни такое в голову не пришло. Это кто-то ему подкинул эту версию.

– А кому она нужна, такая версия? Ты что, уже успела нажать себе в редакции врагов?

– Я?! – Ты с ума сошла?

– Но Сергеева их нажила.

– Да они сами завелись: она же пишет лучше всех!

– Ну и что?

– Нет, с тобой невозможно разговаривать. Ты слыхала о зависти?

– Вот тебе и боги, – с издёвкой заметила Валя, начинавшая уже уставать от вечных восторгов Лены.

– Какая ты! – обиделась Лена.

– Это не я – какая, это ты со своими розовыми очками всех боготворишь! Но ещё не бывало в мировой истории случаев, чтоб розовые очки не разбивались – учти! Лучше сама сними.

Лена промолчала.

– А ты всё такая же – не меняешься.

– В моем возрасте вроде бы поздно меняться, – сухо сказала Валя. – Да и повода не вижу.

– Да, конечно, ты уже двадцатилетняя старуха – тебе поздно...

– Ладно тебе, – Валя улыбнулась и разговор вроде бы закончился мирно. Но Лену саднило что-то, какая-то обида за великое журналистское племя. Жизнь покажет, кто прав.

Но расстаться со своим дерзким замыслом Лена так просто не хотела: решила всё равно попробовать. Попробовала. Отправившись писать вроде репортаж, заодно набрала материала и на очерк, и репортаж быстренько накропав, сдала, а очерк писала и переделывала неделю. Но определить, получилось хорошо или нет, не смогла. Пока писала, казалось – вышло, а потом сравнила с сергеевскими очерками – бред сумасшедшего. Не вышло. А показать даже Володечке так и не осмелилась. Ладно, тише едешь – дальше будешь. Правда, Сергеева всегда с улыбкой добавляет: от того места, куда едешь. Но всё равно – будешь.

А уже июль наступил. Документы для поступления собраны давным-давно. Нужно идти к редактору за рекомендацией.

– Можно, Иван Андреевич?

– Входи.

– Я – с просьбой. Помните, вы когда-то, давно, обещали мне, если я буду писать материалы, рекомендацию?

– Я-то – помню. Да вот загвоздка, – приглашающе махнув, садись, дескать, Иван Андреевич снял очки.

– Ты, конечно, её заслужила, мне нравятся твои репортажи. Но, понимаешь, у нас в коллективе и так учится пятая часть людей. Это ведь много: газета страдает, когда в одно и то же время сразу столько народу уходит на сессию. Всё время приходится думать, кто заменит студентов, приходится перетасовывать народ многократно, потому что сессии, как тебе известно, бывают дважды в год по месяцу. Плюс отпускной период. Получается сплошная чехарда. И я тебя прошу – обожди год: Вадим получит диплом, а ты – поступишь? Ладно?

– Так я ведь за штатом. Какое это всё имеет ко мне отношение?

– Но ты ведь подменяешь то одного, то другого. А пойдёшь учиться, и не сможешь подменять...

Лена – молчала. Обиженно и растерянно. А обещание, значит, было для красного словца? Неужели он не знает, что она и так уже два года проваливалась, и терять ещё год? А пока она поступит да проучится пять лет, то к диплому сколько ей будет? Это ей до тридцати придётся быть начинающим, то есть внештатным, репортёром? Да Павлу вот двадцать шесть, а он уже заведует отделом.

– Нет, Иван Андреевич. Я ждать не могу. Мои обязанности ни с чьими никак не пересекаются, и...

– Но ведь ты же можешь не поступить.

– Но ведь могу – поступить.

Редактору такая уверенность не понравилась. Он был, в общем, неплохим человеком, но его ждали многие дела, которые нужно было выполнять срочно, а тут изволь спорить с девочкой, не желающей внимать разумным доказательствам.

– Должен тебе сказать, что публикации, на которые ты возлагала такие надежды... В общем, до меня не раз уже доходили мнения отдельных сотрудников, что это не столько твои заслуги, сколько твоей наставницы Сергеевой. Правда, наставницы неофициальной, добровольной, так сказать, но, тем не менее...

Лене, никак этого не ожидавшей, показалось, что она ослышалась. Но она даже рот не успела открыть.

– И если ты так уж настаиваешь, – продолжал редактор, не давая Лене вставить ни слова, – тебе придётся это мнение опровергнуть. Пусть Сергеева придёт ко мне и заявит, что писала – не она, а действительно ты. Вот тогда и продолжим наш разговор... – И без промедления схватил ручку и продолжил что-то писать.

Лене оставалось только выйти. И как-то странно тихо было в душе и она даже не пыталась разобраться, отчего: от столь явной ли несправедливости, от оскорблённости, от сломленной веры в непогрешимость богов, от детской ли обиды на обман и издевательство взрослого, уверенного в собственной безнаказанности...

Как-то вяло она спустилась на два этажа и вошла к Сергеевой.

– Белла, наш глав-шеф ума лишился.

– Что ты несёшь? С чего ты это взяла? – Сергеева крайне редко расслаблялась до того, чтоб на её лице можно было увидеть истинные чувства, но на сей раз не сумела скрыть удивления.

– Ничего я не несу. Я пришла к нему за рекомендацией, а он сказал, что все мои двадцать с чем-то материалов написали за меня вы. Это как, по-вашему?

Сергеева промолчала, уже полностью овладев лицом.

– В общем, он заявил, что не даст рекомендации, пока вы не пойдёте к нему и не заявите, что писали не вы.

– Нет, – резко уронила Сергеева.

– Что – нет? – Лена не поняла.

– Не пойду.

Лена растерялась: она даже, в поисках поддержки, оглянулась на сотрудника отдела Сашу, который только сострадающе улыбнулся. Но – промолчал.

Ждал дальнейших событий?

Лена снова повернулась к Сергеевой, что-то быстро и сосредоточенно писавшей, словно Лена не только вышла, но и вообще с такими сногсшибательными словами не входила. Но Лена решила добиться чёткого и окончательного ответа.

– А можно узнать, Белла Георгиевна, почему вы не пойдёте?

– Потому, что это не моё дело. Тебе – надо, ты и доказывай. А у меня, извини, строчки в номер. Я занята.

Вот так и убили её, до сей минуты, непоколебимую уверенность в непогрешимости богов журналистики. Это был полный и необратимый крах. Чистоты и веры в высшую справедливость. Это был такой удар, двойной удар, раскрошивший в пыль великую мечту, что Лена выдержать его не могла. Если бы она была в состоянии что-либо ещё чувствовать, она бы услышала, как что-то сломалось в ней с хрустом и только чудом не ссыпалось вниз.

Саша выскочил следом за Леной и что-то говорил ей, в чем-то убеждал, что-то обещал, но Лена не воспринимала ни слова... И Саша под локоток довёл её, вряд ли замечавшую направление движения, до кабинета Николаича.

– Володечка, – попросила она, как только поняла, кого видит перед собой, бросив незакрытой дверь, в которую Саша, пропустив Лену, сам так и не вошёл, – дайте мне сигарету.

– Ты начинаешь курить? — Володечка открыл было рот, чтоб с привычной язвительностью высказаться по поводу такой сенсации, но вовремя заглянул Лене в лицо.

Она сидела, курила, не вслушиваясь в перешёптывания Саши с Николаичем, и пыталась понять, что случилось. Почему так случилось. Вспоминала, как привычно принимала хвалы своим материалам Сергеева и как язвительно, но с милой улыбкой, отбрасывала того, кто пытался высказать хоть какую-нибудь критику. Как была уверена, что завистливость критикующих – единственный мотив их тирад. Как только примадонна позволяла себе исчезать на два-три дня, лишь словами объявляя потом о своей болезни, хотя все прочие смертные послушно звонили и сообщали о своём состоянии и местонахождении. Как заявлялись иногда в редакцию благодарные герои сергеевских очерков и как потом великая Белла небрежно хвасталась очередным подношением. И как учётчица писем Аня однажды словно невзначай обронила: «Ты всё же поосторожней с этой мадам...» И как... Как... Как...

Лена внезапно очнулась: в Володечкину литредакторскую каморку набилось, оказывается, довольно много народу и все наперебой советовали Лене это пережить, дождаться следующего года и обязательно, всенепременно прервать любые отношения с Сергеевой во избежание подобного... Лена слушала утешения и советы, начиная с ними потихоньку соглашаться: ведь иначе придётся – уйти, а как тогда жить без будущего, без газеты? – и даже попыталась было улыбнуться Грише Шорину, непосредственному своему начальству, горячее всех уговаривавшего её перетерпеть гнусное стечение чёрных обстоятельств...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.